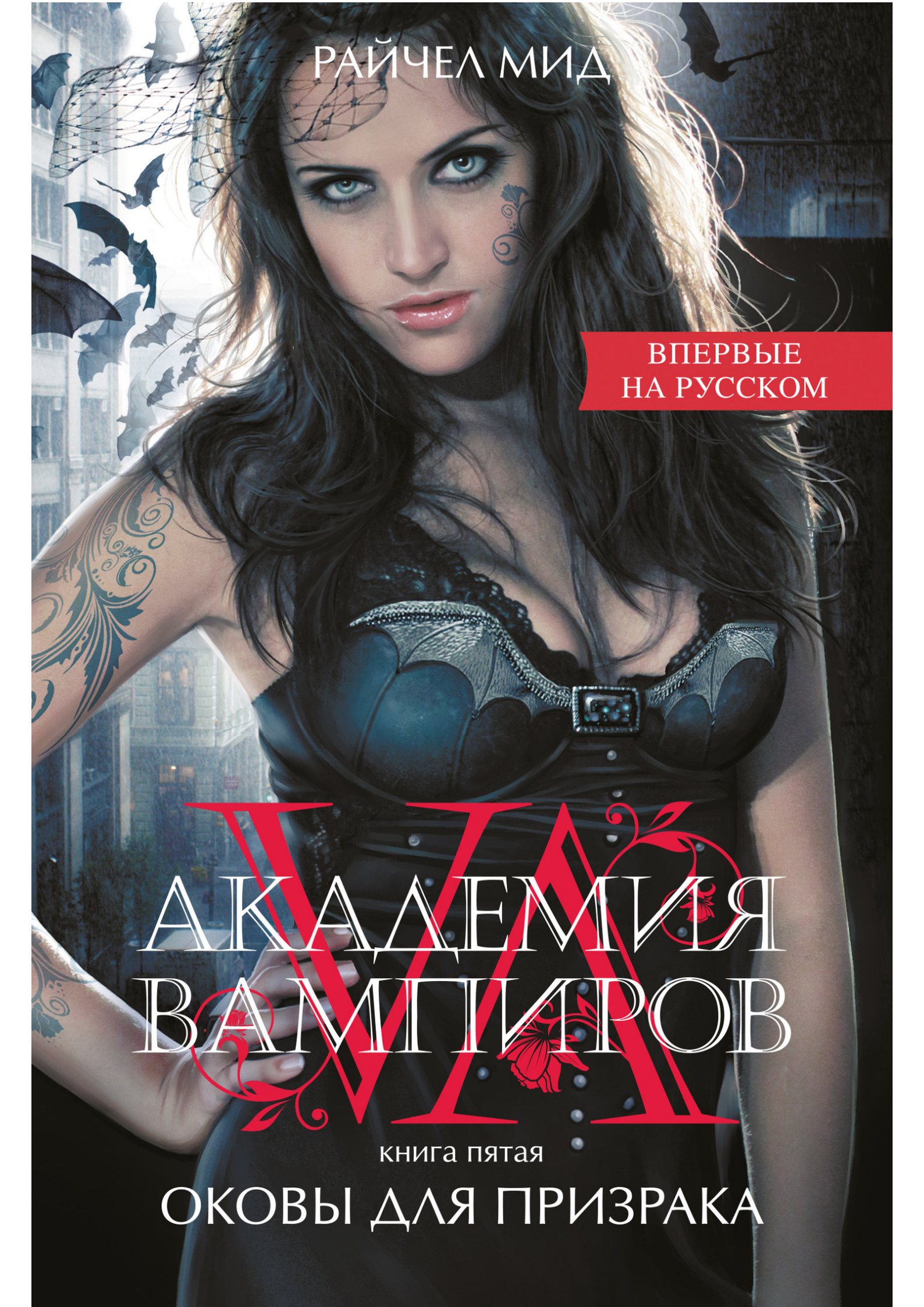

РАЙЧЕЛ МИД

ВПЕРВЫЕ
НА РУССКОМ

АКАДЕМИЯ ВАМПИРОВ

книга пятая

ОКОВЫ ДЛЯ ПРИЗРАКА

Вселенная Академии вампиров

Райчел Мид

Оковы для призрака

«ЭКСМО»

2010

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44

Мид Р.

Оковы для призрака / Р. Мид — «Эксмо», 2010 — (Вселенная Академии вампиров)

ISBN 978-5-699-46407-4

Позади выпускные испытания в Академии вампиров, и неукротимая Роза Хэзевей получает наконец официальное звание стража. Целый мир раскрыт перед ней отныне, но первое, что делают Роза и ее подруга принцесса Лисса после прибытия к королевскому двору, – организуют побег из тюрьмы Виктора Дашкова, одного из самых опасных преступников вампирского мира. Ибо только он может подсказать, как спасти от страшной участи Дмитрия, любовь к которому в душе Розы оказалась сильнее смерти... Впервые на русском! Новая книга культового сериала об Академии вампиров!

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-699-46407-4

© Мид Р., 2010

© Эксмо, 2010

Содержание

Один	6
Два	13
Три	25
Четыре	38
Пять	44
Шесть	52
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Райчел Мид

Оковы для призрака

© Жужунава Б., перевод на русский язык, 2010

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

* * *

*Моему агенту, Джиму Маккарти. Спасибо тебе за то, что взял
на себя всю самую трудную работу. Без тебя этих книг не было бы!*

Один

Одно дело – получать любовные письма, и совершенно другое – смертельные угрозы, даже при условии, что смертельная угроза содержится в любовном письме. Хотя, возможно, не мне судить его автора, поскольку я сама пыталась убить того, кого люблю.

Появление сегодняшнего письма было превосходно рассчитано по времени; впрочем, ничего другого я и не ожидала. Я прочитала его четыре раза, а потом, хотя и опаздывала, не смогла удержаться, чтобы не перечитать и в пятый.

Моя дорогая Роза!

Одна из немногих отрицательных сторон пробуждения состоит в том, что у нас больше нет необходимости спать и, следовательно, мы не видим снов. Это досадно, поскольку, если бы я мог видеть сны, уверен, то были бы сны о тебе. Во сне я ощущал бы твой запах и шелк волос под моими пальцами, гладкость кожи и жар губ, когда мы сливаемся в поцелуе.

Лишенный снов, я вынужден довольствоваться собственным воображением, но это почти так же хорошо. Я в состоянии до мелочей представить себе все, о чем упоминал, а заодно и то, как я положу конец твоей жизни в этом мире. Я сожалею, что вынужден сделать это, но ты не оставила мне выбора. Твой отказ соединиться со мной в вечной жизни и любви лишает меня возможности поступить иначе, и я не могу позволить жить такому опасному созданию, как ты. Кроме того, даже пусть я намерен пробудить тебя насильно, ты сумела обзавестись в среде стригоев множеством врагов, и каждый из них жаждет убить тебя. Если уж тебе суждено умереть, лучше уж ты примешь смерть от моей руки.

Тем не менее я желаю тебе удачи в предстоящих испытаниях, хотя, конечно, удача тут ни при чем. Если тебя и впрямь подвергнут им, это для всех станет пустой тратой времени. Ты лучшая в данной группе и этим вечером, без сомнения, получишь свой знак обещания. Разумеется, это означает, что будет гораздо труднее одолеть тебя, когда мы встретимся снова, но перспектива этой встречи безмерно радует меня.

А мы непременно встретимся снова. Закончив Академию, ты покинешь ее, и я найду тебя, как только ты выйдешь за пределы защитных колец. В мире нет места, где ты могла бы спрятаться от меня. Я на чеку.

С любовью,

Дмитрий

Несмотря на «теплые пожелания», письмо не воодушевило меня. Я бросила его на кровать и покинула комнату в расстроенных чувствах. Да, я старалась противиться воздействию его слов, но, прочтя такое, невозможно не испытывать ужас. «В мире нет места, где ты могла бы спрятаться от меня»...

Да уж, можно не сомневаться. Я знала, у Дмитрия есть шпионы. Как только мой бывший инструктор, а позже возлюбленный превратился в злобного, не-мертвого вампира, он очень быстро стал среди них лидером, чему я в какой-то степени способствовала сама, убив его прежнюю начальницу. Наверняка многие из этих шпионов – люди, которые не спустят с меня глаз, как только я выйду за пределы школы. Ни один стригой не может отслеживать кого-то двадцать четыре часа в сутки, а вот люди могут, и недавно мне стало известно, что многие из них готовы по доброй воле служить стригоям в обмен на обещание пробуждения. По мнению этих

личностей, вечная жизнь стоит того, чтобы погубить свою душу и поддерживать существование ценой убийства других. От одной мысли о них мне делается нехорошо.

Однако не эти люди заставляли меня то и дело спотыкаться, когда я шла по ярко-зеленой летней траве. Нет, причиной этого был Дмитрий. Все это он – мужчина, которого я люблю, стригой, которого я хочу спасти, монстр, которого, скорее всего, мне придется убить. Наша любовь неизменно пылала внутри, сколько бы я ни уговаривала себя перешагнуть через нее и двигаться дальше, сколько бы мир вокруг ни думал, что я в состоянии сделать это. Дмитрий всегда со мной и постоянно заставляет меня сомневаться в себе.

– У тебя такой вид, словно ты готова сразиться с целой армией.

Мрачные мысли тут же оставили меня. Я так сильно сосредоточилась на Дмитрие и его письме, что шла, ничего вокруг не замечая – даже своей лучшей подруги Лиссы, которая, оказывается, с улыбкой шагала рядом со мной. Ей очень редко удавалось застать меня врасплох: благодаря нашей внутренней связи я всегда осознавала ее присутствие и знала ее чувства. Мне требовалось очень сильно отвлечься, чтобы не заметить ее, и обычно так приковать к себе мое внимание могло лишь одно обстоятельство – когда кто-нибудь хотел меня убить.

Я постаралась улыбнуться как можно искреннее. Она знала о происшедшем с Дмитрием, как и о том, что после моей неудачной попытки погубить его он хочет сделать то же со мной. Ее беспокоили письма, которые я получала от него каждую неделю, а ведь у Лиссы хватало собственных забот и без моего не-мертвого преследователя.

– Можно сказать, что мне и предстоит сразиться с целой армией, – заметила я.

Вечер только начинался, и летнее солнце еще пылало в небе Монтаны, заливая нас золотистым светом. Мне это нравилось, но поскольку Лисса морой – так называют миролюбивых, живых вампиров, – солнечный свет неприятен ей и вызывает возрастающую слабость.

Рассмеявшись, она перекинула на одно плечо волосы цвета платины; в лучах солнца они сверкали, придавая ей ангельский вид.

– Не думаю, что ты всерьез обеспокоена.

Я понимала ход ее рассуждений. Даже Дмитрий писал, что эти испытания – пустая трата времени. В конце концов, в поисках его я ездила в Россию, лицом к лицу встречалась там с реальными стригоями и самостоятельно убила нескольких. Наверное, мне и в самом деле не следовало бояться предстоящих испытаний, но внезапно все это помпезное действо и связанные с ним ожидания заставили сердце забиться чаще. Что, если я не справлюсь? Что, если я переоцениваю свои возможности? Может, стражи, с которыми мне предстоит бороться, и не настоящие стригои, но они опытнее меня и принимали участие в гораздо большем количестве поединков. Излишняя самоуверенность может привести к серьезным неприятностям – например, я провалю испытания, причем на глазах у людей, которые сочувствуют мне и верят в меня.

А имелись и еще кое-какие причины для волнения.

– Я беспокоюсь о том, как испытания повлияют на мое будущее, – сказала я.

И это была чистая правда. Предстоящие испытания – заключительный экзамен новичков-стражей вроде меня. Успешно пройдя их, я закончу Академию Святого Владимира и займу свое место среди полноправных стражей, защищающих мороев от стригоев. От результатов также во многом зависит, к какому именно морю меня распределят.

Благодаря нашей связи я ощущала сочувствие Лиссы – и ее волнение.

– Альберта считает, что шансы остаться вместе у нас достаточно велики... что ты все-таки будешь моим стражем.

– По-моему, Альберта говорила это, чтобы удержать меня в школе. – Я покачала головой.

Несколько месяцев назад я бросила учебу и отправилась в погоню за Дмитрием, но потом вернулась, и вряд ли запись о побеге украсила мое личное дело. Существовал и тот «мелкий» факт, что моройская королева Татьяна ненавидит меня и, скорее всего, постарается использовать все свои возможности, чтобы повлиять на мое назначение... но это совсем другая история.

– Думаю, Альберта прекрасно понимает, что я могу получить распределение к тебе в одном-единственном случае – если останусь последним стражем на свете. И даже тогда мои шансы будут очень невелики.

Рев толпы впереди с каждым нашим шагом становился все яснее. Одну из многочисленных академических спортплощадок превратили в арену по образцу тех, на которых сражались римские гладиаторы: поставили скамьи, как простые деревянные, так и роскошные, с мягкой обивкой и навесами для защиты от солнца. Вокруг развевались на ветру яркие разноцветные флаги. Я знала также – хотя пока и не видела их отсюда, – что рядом с входом возвели деревянные бараки, где, нервничая, ждали новички. Сама площадка стадиона превратилась в полосу препятствий. Судя по приглушенному шуму, зрители в основном уже собрались.

– Я не теряю надежды, – сказала Лисса, и благодаря нашей связи я чувствовала, что она и впрямь так думает. Нерушимый оптимизм не раз помогал ей выстоять в суровых испытаниях и был так не похож на мое обычное неверие, порой переходящее в откровенный цинизм. – И у меня есть кое-что, что поможет тебе сегодня.

Она остановилась и достала из кармана джинсов серебряное кольцо, усыпанное золотисто-зелеными крошечными камешками, похожими на хризолиты. Само собой стало ясно, в чем суть ее подарка.

– Ох, Лисс... Не знаю. Это даст мне преимущество, что, по-моему, несправедливо.

Лисса закатила глаза.

– Ничего страшного, и ты это знаешь. Он совсем слабенький, клянусь.

Это колечко Лисса сделала талисманом, вложив в него силу подвластной ей стихии. Каждому морю подчиняется одна из пяти стихий: земля, воздух, вода, огонь и дух. Владеющие духом встречаются настолько редко, что на протяжении столетий об этой возможности почти и не вспоминали, однако в последнее время она снова заявила о себе – благодаря Лиссе и еще нескольким морям. В отличие от других стихий, физических по своей природе, дух связан с сознанием и чисто психическими явлениями, из-за чего малодоступен для понимания. Лисса совсем недавно начала экспериментировать с талисманами, заряженными силой загадочной стихии духа, и, по правде говоря, пока не слишком преуспела. В наибольшей степени ее способности проявляются в целительстве, поэтому она и пыталась создавать исцеляющие талисманы. Позвякивающий на моей руке браслет был ее последним произведением.

– Талисман воздействует очень слабо, но все же во время испытаний будет отгонять от тебя тьму.

Она говорила по виду беспечно, но мы обе понимали, насколько это серьезно. Как это обычно бывает, за помощь стихии духа приходится дорого платить. Наползающая тьма поначалу проявляет себя во вроде бы беспричинном гневе, смятении, но в конечном счете ведет к безумию. Благодаря нашей связи эта тьма временами перетекает из Лиссы в меня. Мы считали, что с помощью талисманов и ее целительских способностей можно бороться с этим, но пока не достигли особого успеха.

Я улыбнулась, тронутая ее беспокойством за меня, взяла маленькое колечко и надела на мизинец – единственный палец, на который оно налезло. Колечко не обжигало руку, и это показалось мне хорошим знаком. По правде говоря, я вообще ничего не почувствовала: такое иногда случается с исцеляющими талисманами, хотя может и быть знаком их полного бессилия. Ну, по крайней мере, вреда оно не причинит.

– Спасибо.

Я почувствовала, что она довольна, и мы зашагали дальше.

Вытянув руку, я с восхищением смотрела, как свет играет в зеленых камешках. В испытаниях, предполагавших значительные физические нагрузки, носить ювелирные изделия вроде как ни к месту, но ничего, под перчатками кольца не будет видно.

– Просто не верится, что уже совсем скоро мы покинем школу и выйдем в большой мир, – пробормотала я.

Лисса рядом со мной мгновенно напряглась, и я пожалела о вырвавшихся у меня словах. Выход в большой мир подразумевал, в частности, что мы с Лиссой займемся делом, в котором она, хоть и без особого восторга, два месяца назад обещала мне помочь.

В Сибири я узнала, что, возможно, существует способ снова сделать Дмитрия вампиром – способ весьма долгий и сложный, и в придачу нет никакой уверенности в том, что это вообще правда. Сам же Дмитрий заикнулся на идее убить меня, а значит, если встанет вопрос, он или я, мне придется убить его. Однако если способ существовал, я все же должна была попытаться найти его – причем до того, как мы с Дмитрием встретимся.

К несчастью, единственную ниточку, ведущую к этому чуду, держал в руках преступник, и не какой-то заурядный, а сам Виктор Дашков – королевский морей, который когда-то терзал Лиссу и совершил массу других злодеяний, превративших нашу жизнь в ад. Справедливость восторжествовала, и сейчас Виктор сидел в тюрьме, но это же существенно осложняло дело. Находясь за решеткой, он едва ли пожелает помочь нам встретиться с его сводным братом – единственным морем, который якобы когда-то спас стригоя. И я рассудила, что, возможно, Виктор выдаст нам нужную информацию, если взамен мы предложим ему то, чего иначе он никогда не получит, – свободу.

План выглядел сомнительным – по множеству причин. Во-первых, вся эта история с братом Виктора вообще могла оказаться блефом. Во-вторых, я понятия не имела, как организовать побег из тюрьмы, не говоря уж о том, что даже не знала, где он содержится. И наконец, успех нашего дела привел бы к тому, что мы собственными руками выпустили бы на свободу своего смертельного врага, подвергая опасности нас обоих, меня и Лиссу. Тем не менее, поскольку эта идея не давала мне покоя, Лисса пообещала помочь мне. Я десятки раз предлагала вернуть ей слово, но она стояла на своем. Впрочем, возможно, ей это ничем и не угрожает – если даже мы не сумеем найти тюрьму.

Возникло неловкое молчание. Чтобы заполнить его, я заговорила о том, как предлагаю отпраздновать на следующей неделе день рождения Лиссы, однако со стороны стадиона к нам подошел Стэн, мой давнишний инструктор, и прервал нашу беседу.

– Хэзевей! – рявкнул он. – Наконец-то ты соизволила появиться. Быстро на место!

Лисса мгновенно забыла о Викторе и торопливо обняла меня.

– Удачи, – прошептала она. – Хотя ты и сама прекрасно справишься.

Наше прощание длилось всего десять секунд, но, судя по выражению лица Стэна, все же показалось ему слишком долгим. Я улыбнулась Лиссе в благодарность за поддержку и торопливо зашагала вслед за инструктором, а она отправилась на трибуны искать наших друзей.

– Тебе повезло, что ты не среди первых, – проворчал он. – На трибунах уже заключают пари, появишься ты или нет.

– Правда? И каковы ставки? Я ведь еще могу передумать, поставить на то, что не приду, и загрести целый карман денег.

Его предостерегающий взгляд с прищуром говорил красноречивее всяких слов. Мы вошли в зону ожидания рядом со стадионом, напротив трибун. Меня всегда изумляло, сколько труда вкладывается в проведение этих испытаний, а сейчас, на близком расстоянии, я была поражена еще больше. Барак, где ожидали новички, представлял собой деревянное сооружение с крышей и выглядел так, будто стоял тут всегда, но тем не менее по окончании испытаний его уберут так же быстро, как и возвели. Довольно широкий дверной проем позволял видеть часть площадки, где один из моих одноклассников с волнением ожидал, когда назовут его имя. На площадке были установлены разнообразные препятствия, призванные проверить координацию и способность сохранять равновесие, одновременно борясь со стражами, которые могли

выскочить из-за любого угла, или ускользая от них. На одном конце поля был сооружен сложный лабиринт из деревянных стен, в других местах свисали сети и шаткие платформы.

Несколько новичков сгрудились в двери, рассчитывая посмотреть, как проходят испытания у идущих первыми, в надежде воспользоваться их опытом. Но только не я. Я была настроена действовать вслепую и принять все, что меня ждет. Если я стану подглядывать, как проходят испытания другие, то могу поддаться панике, а важнее всего для меня сейчас было сохранять спокойствие.

Поэтому я прислонилась к стене барака и огляделась. Похоже, я и впрямь появилась тут последней; интересно, насчет меня и правда заключают пари? Некоторые мои одноклассники перешептывались, собравшись небольшими группами; другие разогревались, делая упражнения на растягивание; третьи стояли со своими инструкторами, выслушивая последние наставления. То и дело раздавались слова «сосредоточься» и «успокойся».

При виде инструкторов сердце мое сжалось. Не так давно я рисовала в воображении этот день, представляя себе, как мы стоим с Дмитрием и он советует мне настроиться серьезно и, оказавшись на поле, не утратить хладнокровия. Когда я вернулась из России, моим инструктором стала Альберта. Однако, будучи капитаном стражей, сейчас она находилась на поле, целиком погрузившись в исполнение своих многочисленных обязанностей. У нее не было времени забежать сюда и поддержать меня за руку. Друзья, которые могли бы меня успокоить – Эдди, Мередит и другие, – сражались с собственными страхами, а я оказалась предоставлена самой себе.

Без Альберты или Дмитрия, вообще без чьей-либо поддержки я внезапно почувствовала ужасную боль одиночества. Это несправедливо, я не должна быть сейчас одна. Всегда предполагалось, что во время испытаний со мной будет Дмитрий. Закрыв глаза, я вообразила, что он и впрямь здесь, и почти слышала наш разговор.

– Не волнуйся, товарищ, я справлюсь и с завязанными глазами. Черт, может, мне так и сделать? У тебя есть какая-нибудь повязка? Если будешь хорошо себя вести, я даже позволю тебе завязать ее.

Поскольку мы уже были близки, существовала большая вероятность того, что по завершении этой воображаемой сцены он снял бы с меня не только повязку, но и все прочее...

Я представила себе, как он укоризненно качает головой.

– Роза, клянусь, каждый день с тобой можно считать испытанием.

Однако я не сомневалась – он ободряюще улыбнулся бы мне. Эта улыбка, выражение гордости на его лице – вот все, в чем я нуждалась, чтобы выдержать этот экзамен...

– Медитируешь?

Услышав рядом этот голос, я в изумлении открыла глаза.

– Мама? Что ты здесь делаешь?

Передо мной стояла моя мать, Джанин Хэзевей. На несколько дюймов ниже меня, она обладала таким боевым духом, что могла одолеть любого противника, даже вдвое крупнее, чем я. Само выражение ее лица заставило бы любого хорошенько подумать, прежде чем бросить ей вызов. Упираясь рукой в бедро, она улыбнулась мне.

– Ты всерьез полагаешь, что я могла не приехать в такой важный для тебя день?

– Ну, не знаю.

Мне стало чуточку стыдно за то, что я усомнилась в ней. На протяжении долгих лет мы почти не общались, и только благодаря недавним событиям – в основном нерадостным – связь между нами начала восстанавливаться. Я по-прежнему не очень-то понимала, какие чувства испытываю к ней – что-то среднее между потребностью маленькой девочки в вечно отсутствующей матери и чувством обиды заброшенного подростка. Еще я не могла простить ей того, что однажды она, якобы нечаянно, сильно ударила меня во время учебного боя.

– Просто я думала, что у тебя найдутся более важные дела.

– Такое событие я ни при каких обстоятельствах не пропустила бы. – Она кивнула в сторону трибун, тряхнув темно-рыжими выющимися волосами. – Как и твой отец.

– Что?

Я повернулась к двери и бросила взгляд на поле. Многочисленные препятствия на нем мешали хорошо разглядеть трибуны, но все же видно было достаточно. Да, действительно, вон он: Эйб Мазур. Не заметить такого человека было трудно – с его черной бородой, такими же усами, изумрудного цвета шарфом поверх ослепительно белой рубашки и поблескивающей на солнце золотой серьгой. Думаю, ему было жарко в таком одеянии, но, видимо, присущее ему чувство крикливого стиля перевешивало соображения удобства.

Если отношения с матерью у меня были не слишком близкие, то с отцом не было почти вовсе никаких отношений. Я впервые встретила с ним в мае этого года, а о том, что это мой отец, узнала еще позже. У всех дампиров отец – морой; моим отцом стал Эйб Мазур. Его поведение и образ жизни во многом окутаны тайной, но ходят упорные слухи о его связях с незаконным бизнесом. Люди ведут себя с ним так, словно он может любому кости переломать, что меня не удивляло, хотя никаких доказательств этого лично я не видела. В России он носил прозвище Змей.

Я в удивлении смотрела на него.

– Он будет рад, что ты успела вовремя, – мама подошла и встала рядом, – поскольку держал пари на большую сумму, что ты появишься. Рискнул своими деньгами, веря в тебя. Может, тебе приятно об этом узнать.

Я застонала.

– Конечно! Конечно, он – тот букмекер, который стоит за этим пари. Мне следовало сразу догадаться... – И тут меня ожидало еще одно потрясение. – Он что, разговаривает с Адрианом?

Да! Рядом с Эйбом сидел Адриан Ивашков – мой в некотором роде бойфренд, королевский морой и еще один пользователь духа наряду с Лиссой. С нашей первой встречи он сходил по мне с ума (впрочем, и без меня он здравым рассудком не отличался), но я никого не замечала, кроме Дмитрия. Потерпев неудачу в России и вернувшись сюда, я пообещала дать Адриану шанс. К моему удивлению, наши отношения складывались не так уж плохо, можно даже сказать, очень хорошо. Он в письменной форме предложил мне встречаться и перечислил все положительные стороны этого решения, такие, например: «Я брошу курить – за исключением тех случаев, когда действительно никак не смогу обойтись без сигареты» и «Я каждую неделю обещаю устраивать романтические сюрпризы – импровизированные пикники, цветы, поездка в Париж, что-то вроде этого, но другое, потому что это уже не сюрприз».

Встречаться с ним – это было совсем не то, что встречаться с Дмитрием; но, полагаю, не бывает двух в точности одинаковых взаимоотношений. В конце концов, они же разные люди. Я по-прежнему просыпалась каждый день с болью в сердце – из-за того, что лишилась Дмитрия и нашей любви. Переживала, что не сумела убить его в Сибири и тем самым освободить от состояния не-мертвого. И все же это отчаяние не означало, что из моей жизни окончательно ушла романтика, хотя я не так быстро поняла это. Трудно было найти силы для того, чтобы идти дальше, но Адриан умел порадовать меня, и на сегодня этого было достаточно.

Но из всего этого вовсе не следовало, будто я хочу, чтобы он завел дружбу с моим отцом-гангстером.

– Он плохо влияет на людей! – воскликнула я.

Мать насмешливо фыркнула.

– Не думаю, что Адриан сумеет так уж повлиять на Эйба.

– Не Адриан! Эйб! Адриан старается вести себя хорошо, а из-за Эйба все может пойти прахом. – В своем послании Адриан обещал отказаться не только от курения, но от пьянства и других пороков. Глядя на него, увлеченно беседующего с Эйбом, я пыталась вычислить, что за интересную тему они обсуждают. – О чем они говорят?

– В данный момент это не должно тебя особо волновать, – заметила Джанин Хэзевей, человек прежде всего практичный. – Забудь о них, думай о предстоящих испытаниях.

– По-твоему, они говорят обо мне?

– Роза! – Мать легонько ткнула меня в плечо, и я перевела взгляд на нее. – Настройся как следует. Не отвлекайся, сохраняй спокойствие.

Она сказала почти то самое, что говорил в моем воображении Дмитрий, и я невольно улыбнулась. Больше я не была одна.

– Что тебя позабавило? – настороженно спросила она.

– Да так, ничего. – Я обняла маму. Сначала все ее тело напряглось, но потом она расслабилась, тоже быстро обняла меня и отодвинулась. – Я рада, что ты здесь.

Моя мать не склонна нежничать, и эти слова застали ее врасплох.

– Ну, я же сказала, что ни в коем случае не пропустила бы этого события, – взволнованно ответила она.

Я снова бросила взгляд на трибуны.

– А вот насчет Эйба я не могу сказать с уверенностью, что рада видеть его здесь.

Хотя... постойте. Странная идея мелькнула в голове. Нет, на самом деле не такая уж и странная. Несмотря на сомнительную репутацию, Эйб уже сумел однажды, благодаря своим обширным связям, сделать мне одолжение и переслать Виктору Дашкову в тюрьму письмо с просьбой сообщить информацию о Роберте Дору, брате Виктора, тоже пользователе духа. В ответном письме Виктор заявил, что у него нет причин помогать Эйбу в его делах. Я тут же решила, что не могу рассчитывать на помощь отца, и стала обдумывать идею, как организовать побег Виктора из тюрьмы. Однако сейчас...

– Розмари Хэзевей!

Голосом громким и ясным, будто звук трубы, возвещающей начало сражения, Альберта вызывала меня, и все мысли об Эйбе, Адриане и даже Дмитрие выскочили из головы. Думаю, мать пожелала мне удачи, но я уже ничего не слышала, делая шаг на поле, навстречу Альберте. Адреналин вскипел в крови, все внимание сосредоточилось на предстоящем испытании, по окончании которого я стану стражем.

Два

Само испытание слилось для меня в неясное пятно, но некоторые его части я запомнила до мелочей, отложившихся в памяти с кристальной ясностью, – ведь это важное событие завершало долгое обучение в Академии Святого Владимира. Мои прежние предположения подтвердились: игрушечные схватки не шли ни в какое сравнение с тем, что мне пришлось пережить в прошлом, когда, скажем, целая толпа стригоев напала на школу. Тогда я сражалась с противником, имеющим значительное численное превосходство, и тем не менее выстояла, даже не зная, жив мой возлюбленный или мертв. Чего мне было бояться так называемого сражения со школьным инструктором после реальной борьбы с Дмитрием? Еще дампиром он был смертельно опасен, а в качестве стригоя стал несравненно изощреннее и могущественнее.

Не хочу сказать, что испытание было легким, вовсе нет. Многие новички его не выдержали, но я не собиралась пополнять ряды неудачников. На меня со всех сторон нападали стражи, которые сражались и защищали мороев еще в те времена, пока меня и на свете не было. Дело осложнялось тем, что саму площадку загромождали всякие хитроумные приспособления и препятствия, перекладыны и лестницы, призванные проверить мою способность сохранять равновесие, включая мост, мучительно напомнивший мне последнюю ночь, когда я видела Дмитрия. Тогда я вонзила ему в сердце серебряный кол и столкнула с моста, но, пока Дмитрий летел вниз, кол выпал.

Мост на площадке был совсем не похож на тот, прочный деревянный, на котором мы с Дмитрием боролись в Сибири. Этот представлял собой шатающиеся, плохо скрепленные доски с веревками в качестве поручней. От каждого шага сооружение тряслось и качалось, и дыры в досках позволяли видеть, где именно опередившие меня одноклассники, к несчастью для них, обнаружили слабые места. Лично для меня испытание на мосту оказалось, пожалуй, самым тяжелым. Моя задача состояла в том, чтобы увести «мороя» от группы преследующих его «стригоев». Моего мороя изображал Дэниел, новый страж, наряду с другими сменивший тех, кто погиб во время нападения на школу. Я не очень хорошо знала его, но сейчас он с успехом сыграл роль беспомощного, послушного и испуганного подопечного, попавшего в подобную ситуацию.

Он слегка упирался, не желая выходить на мост, и мне пришлось прибегнуть к самому спокойному, самому убедительному тону, чтобы уговорить его пойти первым. По-видимому, проверке подвергались не только боевые умения, но и чисто человеческие навыки общения. Мы успели отойти совсем недалеко, когда я поняла, что приближаются изображающие стригоев стражи.

Дэниел шел по мосту, я тенью следовала за ним, держась настороже и одновременно продолжая успокаивать его. Внезапно мост стал сильно раскачиваться – значит, наши преследователи тоже ступили на него. Оглянувшись, я увидела трех «стригоев» – изображающие их стражи действовали с очень натуралистичной ловкостью и быстротой. Они, без сомнения, нагнали бы нас, если бы мы не поторопились.

– Ты все делаешь замечательно, – сказала я Дэниелу, изо всех сил стараясь не сбиться с верного тона. Если кричать на мороев, это может вызвать у них шок, а если говорить слишком мягко, они решат, что ситуация не такая уж серьезная. – И я знаю, ты в состоянии идти быстрее. Мы должны держать дистанцию, не дать им приблизиться. Знаю, ты можешь сделать это. Давай!

Видимо, испытание на способность убеждать я выдержала, поскольку он прибавил скорость; еще не настолько, чтобы мы могли оторваться от преследователей, но это было хорошее начало. Мостик снова закачался, Дэниел очень натурально вскрикнул и замер, крепко вцепившись в веревочные перила. На другом конце моста, впереди нас, я заметила еще одного под-

жидающего стража-«стригоя» – это был инструктор по имени Рэндалл. Мы оказались зажаты между ним и задней группой. Пока Рэндалл просто стоял на конце моста, раскачивая его и тем самым затрудняя наши действия.

- Продолжай идти, – велела я, лихорадочно соображая, как быть. – У тебя получится.
- Но там еще один стригой! Мы в ловушке! – воскликнул Дэниел.
- Не беспокойся. С ним я разберусь. Просто иди.

На этот раз мой голос звучал очень настойчиво, и Дэниел, повинувшись команде, снова двинулся вперед, хотя и еле-еле. Теперь я должна была очень точно рассчитать время. От меня требовалось следить и за «стригоями» с обеих сторон, и за Дэниелом, не давая ему останавливаться. Когда почти три четверти моста остались позади, я прошептала:

- Опускайся на четвереньки! Быстро!

Он послушался – замер и встал на четвереньки.

Встав на колени, я так же тихо добавила:

– Сейчас я закричу на тебя. Не обращай внимания. – И продолжила, уже громче, чтобы услышали те, кто шел сзади: – Что ты делаешь? Нам нельзя останавливаться! – Дэниел не пошевелился, и я снова заговорила тихо: – Хорошо. Видишь то место, где веревки соединяют основание моста с перилами? Вцепись в них как можно крепче и не отпускай, что бы ни случилось. Если понадобится, намотай их на руки. Давай!

Он повиновался. Время шло, пора было переходить к решительным действиям. Не вставая с колен, я развернулась и ножом, который получила вместе с колом, перерезала веревки, соединяющие части моста. Слава богу, нож оказался острый – организаторы испытаний понимали, что это не шутки. Нельзя сказать, что мне удалось рассечь веревки одним движением, однако я сделала это достаточно быстро, чтобы у «стригоев» с обеих сторон не хватило времени среагировать.

– Держись крепче! – еще раз крикнула я Дэниелу, и в это мгновение части моста под воздействием веса стоящих на них людей откачнулись в стороны, к деревянным опорам.

Мы с Дэниелом были к этому готовы, а вот наши преследователи сзади – нет. Двое упали, третий только-только успел ухватиться за планку моста, слегка соскользнул, но потом вцепился в нее крепче. Реальное расстояние до земли составляло шесть футов, но мне было велено считать, что это пятьдесят – то есть нам с Дэниелом грозила бы гибель, свались мы с такой высоты.

Несмотря на сложную ситуацию, он не выпустил веревку, я тоже крепко держалась и, когда наша часть моста повисла практически вертикально, начала карабкаться по ней, как по лестнице. При этом мне пришлось перелезть через Дэниела, что было нелегко, но позволило еще раз напомнить ему, чтобы он держался. Рэндалл, поджидающий нас впереди, хоть и потерял ненадолго равновесие, но не упал и сейчас полз вверх по веревкам, стремясь добраться до твердой поверхности, и был уже достаточно близко к ней, когда я сумела остановить его, схватив за ногу и с силой дернув на себя. Он вцепился в мост, и между нами завязалась борьба. Я понимала, что, скорее всего, столкнуть его не смогу, и стремилась хотя бы не подпускать ближе. Наконец, убрав нож, я вытащила из-за пояса кол. Сохранять равновесие было очень сложно, но и Рэндалл обеими руками держался за мост, открывая мне доступ к своему сердцу, чем я и воспользовалась.

Во время испытаний мы орудовали тупыми колями, не способными проткнуть кожу, но если нажать достаточно сильно, противник понимал, что происходит. Мой удар был нанесен именно туда, куда требовалось; Рэндалл разжал руки и упал с моста, признавая тем самым, что получил «смертельный» удар.

Теперь нужно было убедить Дэниела ползти вверх. Это отняло много времени, поскольку он вел себя в точности так, как любой испуганный морой на его месте. Хорошо хоть, ему не пришло в голову, что настоящий морой мог бы разжать руки и упасть с моста.

Когда этот эпизод закончился, на меня обрушились новые атаки, но я отбивала их, не снижая темпа и не позволяя усталости завладеть собой. Перешла в боевой режим, сосредоточившись на основных инстинктах: сражаться, увертываться, убивать.

При этом все время приходилось изобретать что-нибудь новенькое, ни в коем случае не замедляя движения. Иначе противники могли бы захватить меня врасплох – как я их в случае с мостом. И я справилась, сумев выкинуть из головы абсолютно все посторонние мысли и видя в инструкторах настоящих стригоев, а не хорошо знакомых людей. И ни разу я не позволила им меня достать.

Когда все закончилось, я не сразу это осознала: просто застыла на какое-то время в центре площадки, не понимая, почему атаки прекратились. Я осталась тут одна. Постепенно мир вокруг начал обретать четкость. Зрители на трибунах, приветствующие меня криками. Инструктора, поднявшиеся туда же. Гулкое биение собственного сердца.

И только когда улыбающаяся Альберта потянула меня за руку, я поняла, что испытание, которого я ждала всю жизнь, завершилось. А мне казалось, прошли лишь какие-то мгновения.

– Пошли. – Обхватив рукой за плечи, она повела меня к выходу. – Тебе нужно выпить воды и присесть.

В состоянии какого-то оцепенения я позволила ей увести себя с поля; зрители выкрикивали мое имя и аплодировали. Сквозь шум за спиной я слышала чьи-то слова о том, что нужно сделать перерыв и починить мост. Альберта привела меня в зону ожидания и усадила на скамью. Кто-то опустился рядом и протянул мне бутылку воды. Я подняла взгляд и увидела мать. На ее лице сияло выражение ничем не замутненной гордости.

– Сколько времени это продолжалось? – спросила я наконец.

Она снова удивила меня, рассмеявшись искренне и весело.

– Сколько времени? Роза, ты провела на поле почти час. И действовала с фантастической скоростью. Наверное, это один из лучших результатов, которые когда-либо видела школа.

– Правда? А мне казалось, все прошло... – я хотела сказать «легко», но это было не совсем точное слово, – как в тумане.

– Ты была изумительна. – Мама сжала мне руку. – Я очень, очень горжусь тобой.

Только тут я в полной мере осознала, что все действительно закончилось, и расплылась в улыбке.

– И что теперь?

– Теперь ты стала стражем.

У меня имелось уже много татуировок, но все предыдущие случаи не шли ни в какое сравнение с той помпезной церемонией, в результате которой я получила знак обещания. Раньше мне накалывали знаки молнии за убийство стригоев в неожиданных, трагических обстоятельствах: сражение в Спокане, нападение на школу, миссия спасения. И этих убийств было так много, что им потеряли счет. Обычно за каждого истребленного стригоя наносится особый знак, я же в итоге получила звездочку, означающую, что сосчитать мои достижения уже невозможно.

Нанесение татуировки – процесс не быстрый, даже если рисунок несложен, а сейчас их должен был получить весь мой выпускной класс. Церемония происходила в академической столовой – большом зале, убранство которого сейчас не уступало тому, что мы видели при королевском дворе. Весь он был заполнен зрителями – друзьями, родными, стражами. Альберта по одному вызывала нас к татуировщикам и громко объявляла полученные за испытания оценки. Эти оценки – очень важная вещь, поскольку влияют на распределение. Морой мог потребовать, чтобы ему выделили стража определенного уровня. Лисса, конечно, выразила желание получить меня, хотя даже самые лучшие в мире оценки, добытые в процессе

финального испытания, не могли компенсировать дисциплинарные взыскания, отмеченные в моем личном деле.

Правда, в зале присутствовали очень немногие морои – только небольшая группка гостей, приглашенных непосредственно новоиспеченными стражами. Остальные были дампирами: и те, кто уже заслужил звание стража, и те, кто лишь готовился им стать – вроде меня. Гости сидели в задней части помещения, старшие стражи – впереди. На протяжении всей церемонии я и мои одноклассники стояли – может, это был еще один тест, на выносливость.

Я не возражала. К тому времени я переделалась, сменив грязную, порванную одежду на простые слаксы и свитер – эффектный, но не лишенный торжественности наряд. Воздух в зале сгустился от напряжения, на лицах новичков смешалось выражение радости и волнения по поводу новой, смертельно опасной роли, которую нам предстояло играть в жизни. Глядя в сияющие глаза товарищей, я с волнением, а иногда и с удивлением слушала, какие высокие оценки они получили.

Эдди Кастиль, мой близкий друг, во время испытания тоже с успехом защищал своего «мороя» и получил особенно высокую оценку. Я не могла сдержать улыбку радости, глядя, как татуировщик наносит Эдди знак.

– Хотела бы я знать, как он провел своего мороя по мосту, – негромко пробормотала я.

Эдди был очень изобретателен. Стоящая рядом Мередит, моя подруга, недоуменно посмотрела на меня и тихо спросила:

– О чем ты?

– Ну, когда за нами с мороем гнались на мосту. Моим был Дэниел. – Она все еще не понимала, и я разъяснила. – Интересно, у него тоже были стригои с обеих сторон?

– Я вообще была одна на мосту, когда за мной гнались, а своего мороя провела через лабиринт.

Стоящий рядом одноклассник сердито посмотрел на нас, и я закрыла рот. Может, не для меня одной испытание проходило словно в тумане? Похоже, у Мередит тоже путаница в голове.

Когда Альберта вызвала меня и назвала мои результаты, по толпе пронесся взволнованный вздох. Пока они оказались самыми высокими в классе. Я порадовалась, что академические отметки она не зачитывает – они явно поубавили бы мне славы. В занятиях боевыми искусствами я всегда преуспевала, а вот с предметами вроде математики и истории дело обстояло заметно хуже, главным образом потому, что я неоднократно бросала учебу.

Волосы мне подняли и закрепили с помощью шпилек – чтобы не мешали татуировщику в работе. Наклонившись вперед, чтобы ему было лучше видно, я услышала его удивленное бормотание. Обычно шея новичка представляет собой чистое полотно, но у меня вся ее задняя часть уже была заполнена знаками, что создавало мастеру определенные трудности. Однако он оказался хорош и в конце концов нашел местечко для знака обещания в самом центре. Знак обещания, состоящий из вытянутой буквы S с закругленными концами, он поместил между знаками молнии, как бы заключившими его в объятия. Процесс был болезненный, но я сохраняла бесстрастное выражение лица и ни разу не вздрогнула. При помощи зеркала татуировщик продемонстрировал мне результат, потом наложил повязку, чтобы в ранку не попала грязь, и я вернулась к своим товарищам.

Пришлось выстоять еще два часа, но я ничего не имела против. Сознание все еще перемалывало случившееся сегодня. Я стала стражем, подлинным стражем. И эта мысль порожидала вопросы. Что будет теперь? Смогут ли высокие оценки, полученные во время испытаний, перевесить выговоры в личном деле? Стану ли я стражем Лиссы? И что будет с Виктором? И с Дмитрием?

По мере того как до меня все яснее доходил смысл сегодняшней церемонии, я начала с чувством беспокойства переминаясь с ноги на ногу. Дело было не только в Дмитрие и Викторе – вся моя жизнь менялась коренным образом. Школа позади. Больше никаких учите-

лей, отслеживающих каждый шаг и поправляющих, если совершаешь ошибку. Мне предстоит защищать кого-то, полностью полагаясь только на себя. Морои и младшие дампирь будут смотреть на меня как на специалиста. И с роскошью безделья в своей комнате после занятий и тренировок покончено. Никакого четкого расписания – я буду на службе все время. Эта мысль приводила в уныние, давила тяжким грузом. Прежде в моем сознании окончание школы всегда связывалось со свободой, но теперь я взглянула на это по-другому. Какую новую форму обретет моя жизнь? Кто окажет на нее решающее воздействие? И как я смогу добраться до Виктора, если меня распределят не к Лиссе, а к кому-нибудь еще?

Я встретила взглядом с Лиссой, стоящей на другом конце зала. Она не меньше моей матери буквально светила от гордости и широко улыбнулась мне.

«Не смотри так хмуро, – с укоризной передала она мне благодаря нашей мысленной связи. – Не надо ни о чем беспокоиться, хотя бы сегодня. Радуйся!»

Я понимала, что она права. Что бы мне ни предстояло, я справлюсь. Бесчисленные тревоги могут подождать до другого дня. Тем более что бурная радость друзей и родных не могла удовлетвориться общим торжеством. Эйб, воспользовавшись своим влиянием, застолбил маленький банкетный зал и закатил в мою честь такую вечеринку, которая больше подошла бы какой-нибудь королевской дебютантке, а не скромной, не слишком благоразумной дампирке.

Перед ее началом я снова переоделась; для вечеринки вряд ли подходил официальный наряд, уместный на церемонии получения знаков обещания. Я надела изумрудного цвета платье с короткими рукавами и повесила на шею назар, хотя одно с другим не слишком гармонировало. Назар – амулет в виде небольшого кулона в голубых тонах, похожего на глаз, и служит для защиты от порчи. По крайней мере, так считают в Турции, откуда Эйб родом. Когда-то он подарил назар матери, а она мне.

С наложенным макияжем и распущенными волосами, призванными скрыть повязку на шее, я мало походила на отважного борца с монстрами. Но нет... не совсем так, осознала я мгновение спустя. Глядя в зеркало, я с удивлением увидела в своих глазах боль потери, которую не могли скрыть даже самое прекрасное платье и умелый макияж.

Стараясь не думать об этом, я отправилась на вечеринку и, едва выйдя из своего общежития, наткнулась на Адриана. Без единого слова он едва не задушил меня в объятиях и осыпал пылкими поцелуями. Ему удалось полностью застать меня врасплох. Ну, разумеется, то, что оказалось не под силу не-мертвым, прекрасно удалось легкомысленному королевскому морю.

Его поцелуй почти заставил меня испытать чувство вины за то, что я поддалась его очарованию. Когда я начала встречаться с Адрианом, наши отношения складывались нелегко, но постепенно все наладилось. Наблюдая в течение долгого времени, как он без зазрения совести флиртует со всеми подряд и ни к кому при этом не относится серьезно, я никак не ожидала такой преданности с его стороны. Как и того, что мои чувства к нему будут усиливаться, – это, казалось бы, противоречило тому, что я по-прежнему любила Дмитрия и изобретала самые немислимые способы его спасения.

Наконец Адриан отпустил меня, и я рассмеялась. Несколько проходивших мимо юных мороев остановились, глядя на нас. Роман мороя с дампиркой – не такая уж редкость в нашем возрасте, но роман прославленной дампирки с морем, приходящимся внучатым племянником королеве? Это не могло не привлекать внимания – в особенности при том, что практически все знали о ненависти королевы Татьяны ко мне. Во время нашей последней встречи она накричала на меня, требуя, чтобы я держалась подальше от Адриана, и хотя свидетелей этой сцены было немного, слухи такого рода всегда каким-то образом просачиваются наружу.

– Ну как, понравилось шоу? – спросила я наших зрителей. Осознав, что их застужали, подростки торопливо продолжили путь. Я улыбнулась Адриану. – Что это было? Поцелуй как средство всем объявить о твоих правах на меня?

– Это, – с пафосом ответил он, – была награда за то, что во время испытания ты надрала столько задниц. – Он помолчал. – Ну и еще потому, что ты выглядишь потрясающе в этом платье.

– Награда? – Я искоса взглянула на него. – Ха! Бойфренд Мередит преподнес ей серьги с бриллиантами.

– Ты хочешь бриллианты? – Он взял меня за руку, и мы пошли на вечеринку. – Ну, я подарю тебе бриллианты. Осыплю тебя ими. Черт, ты получишь платье из бриллиантов. Правда, оно будет очень маленькое.

– Лучше уж я удовольствуюсь поцелуем.

Я представила себе, как Адриан одевает меня, словно какую-нибудь модель, демонстрирующую купальники. Или польскую танцовщицу. Разговор о драгоценностях внезапно оживил непрошеное воспоминание. Когда Дмитрий держал меня в плену в Сибири, с помощью своих укусов приводя в состояние блаженства, он тоже осыпал меня драгоценностями.

– Я знал, что ты девушка крутая, – продолжал Адриан. Теплый летний ветерок взъерошил каштановые волосы, которые он каждый день старательно укладывал, и теперь он свободной рукой рассеянно пытался привести их в порядок. – Но не осознавал, до какой степени, пока не увидел, как ты расшвыривала этих стражей.

– Не означает ли это, что тебе надо быть со мной полюбезнее?

– Я и так любезен с тобой. Ты хоть представляешь, как сильно мне сейчас хочется закурить? Но нет, я мужественно переношу страдания, связанные с отказом от никотина, и все ради тебя. Но, думаю, после того, что я сегодня увидел, мне нужно быть с тобой чуть осмоторительнее. И еще этот твой безумный папаша меня настораживает.

Я застонала, вспомнив, как Адриан и Эйб рядышком сидели на трибуне.

– Господи! С какой стати ты вообще околачивался возле него?

– О, он просто потрясающий! Немного изменчивый, но классный. Мы прекрасно ладили. – Адриан открыл передо мной дверь. – И в своем роде он тоже крутой. В смысле, можешь представить себе кого-нибудь другого с таким же шарфом? Да над ним вся школа смеялась бы. Но не над Эйбом. Он не хуже тебя кому угодно даст отпор. Фактически...

В голосе Адриана слышалось беспокойство, и я бросила на него удивленный взгляд.

– Фактически что?

– Ну... Эйб сказал, что я ему понравился, но одновременно ясно дал понять, что сделает со мной много нехорошего, если я когда-нибудь так или иначе обижу тебя. – Адриан состроил гримасу. – Фактически он описал, что именно сделает со мной, во всех наглядных деталях. И тут же, безо всякого перехода, переключился на другую, более жизнерадостную тему. Мне он тоже понравился, но от него мурашки по коже бегут.

– Он переходит все границы! – Я остановилась у входа в комнату, где проходила вечеринка. Оттуда доносился гул голосов – видимо, все уже собрались и теперь ожидали появления меня в качестве почетного гостя. – Он не имеет права угрожать моему бойфренду. Мне восемнадцать, я взрослый человек и сама могу угрожать своим бойфрендам.

Мое негодование позабавило Адриана.

– Согласен. Но это не означает, будто я собираюсь отнестись к его предупреждению несерьезно. Я слишком хорош собой, чтобы рисковать лицом.

Он и впрямь красив, но тем не менее я сердито покачала головой. Когда я потянулась к дверной ручке, Адриан удержал меня:

– Подожди.

Он снова обнял меня, и наши губы слились в жарком поцелуе. Прижимаясь к нему всем телом, я все больше запутывалась в собственных чувствах. Это был не просто поцелуй – я ощущала, что хочу большего.

– Отлично, – заявил Адриан, в конце концов оторвавшись от меня. – Теперь можем войти.

Голос его, как обычно, звучал легкомысленно, но в темно-зеленых глазах вспыхнула страсть. Не только для меня это было больше чем поцелуй. До сих пор мы не заговаривали о сексе, и, к его чести, он не давил на меня в этом вопросе. Думаю, он понимал, что после потери Дмитрия я еще не совсем готова принять другого мужчину, но в такие моменты, как сейчас, чувствовалось, как трудно Адриану сдерживаться.

Я слегка размякла и, поднявшись на цыпочки, одарила его еще одним поцелуем.

– Что это было? – спросил он мгновение спустя.

Я усмехнулась.

– Твоя награда.

Когда мы наконец вошли в зал, все приветствовали меня радостными возгласами и горделивыми улыбками. Когда-то я буквально расцветала, оказываясь в центре внимания; со временем это стало проходить, но сейчас я напустила на себя уверенный вид и принимала похвалы как должное, даже триумфально вскинула руки, заработав новый шквал аплодисментов и восхвалений.

Вечеринку в свою честь я запомнила почти так же плохо, как сами испытания. Никогда не отдаешь себе отчета в том, сколько людей любят тебя, пока все они не соберутся вместе. Вслух, правда, я этих мыслей не высказывала, а то могла бы и расплакаться. Это на вечеринке-то по случаю собственной победы!

Все хотели поговорить со мной, и я испытывала радость и удивление, когда они подходили один за другим. Так редко случалось, чтобы все, кого я люблю, собирались вместе; и, с грустью осознала я, не исключено, что такое никогда больше не повторится.

– Ну в конце концов ты получила лицензию на убийство. Давно пора.

Обернувшись, я встретила взглядом с Кристианом Озера, который когда-то жутко раздражал меня, а потом стал добрым другом. В порыве радостного волнения я обняла его, чего он явно не ожидал, но сегодня я удивляла всех.

– Эй, эй! – Вспыхнув, он попятился. – Ну разумеется, ты единственная девушка, у которой мысль об убийстве вызывает прилив энтузиазма. Не хочу даже пытаться представить себе, что происходит, когда вы с Ивашковым остаетесь наедине.

– Кто бы говорил! Ты же сам спишь и видишь, как бы ввязаться в драку.

Кристиан пожал плечами, выражая согласие. В нашем мире существует правило: стражи защищают мороев, но сами морои в сражениях не участвуют. Однако после недавнего нападения стригоев многие из них – хотя далеко не большинство – стали высказывать мнение, что настало время и им самим учиться постоять за себя. Пользователи огня, такие как Кристиан, в особенности могли оказаться полезны, поскольку сжечь стригоя – один из лучших способов убить его (наряду с закалыванием и обезглавливанием). В настоящее время правительство мороев всячески препятствовало развитию этой идеи, что не мешало некоторым из них тайком тренироваться. В том числе и Кристиану.

Только тут я с удивлением заметила, кто, словно тень, стоит рядом с ним.

Джил Мастрано. Моройка, первокурсница – можно сказать, уже почти второкурсница, – Джил тоже относилась к числу тех, кто хотел сражаться, и стала вроде как ученицей Кристиана.

– Привет, Джил. – Я тепло улыбнулась ей. – Спасибо, что пришла.

Джил вспыхнула. У нее хватало решимости учиться самой защищать себя, но она не могла справиться с волнением, оказавшись среди множества народу, в особенности рядом со «знаменитостью» вроде меня. Нервная, она начинала говорить быстро и бессвязно.

– Ну, я не могла не прийти. – Она откинула с лица длинные вьющиеся и, как обычно, спутанные волосы. – В смысле, это так круто – что ты делала. Во время испытаний. Все были потрясены. Я слышала, один из стражей сказал, что никогда не видел ничего подобного, и когда Кристиан спросил, хочу ли я прийти, конечно, я сказала «да». Как могло быть иначе! Ох! Я даже не поздравила тебя. Извини. Прими мои поздравления.

Кристиан изо всех сил старался сохранить бесстрастное выражение лица, я же рассмеялась и обняла Джил. Мне всерьез угрожало впасть в состояние душевной расслабленности. И что станет с моим статусом крутого стража, если продолжать в том же духе?

– Спасибо. Надо полагать, вы вдвоем уже готовы справиться с целой армией стригоев?

– Осталось подучиться самую малость, – ответил Кристиан. – Но нам не мешает твоя помощь.

Мы оба понимали, что стригои – это пока не их уровень. Однажды его огненная магия здорово помогла мне, но чтобы он действовал самостоятельно? Это будет совсем другая история. Он и Джил учились использовать свою магию в целях нападения, и когда у меня случалось свободное время, я давала им уроки рукопашного боя.

Лицо Джил слегка вытянулось.

– Все прекратится, как только он уйдет отсюда.

Я посмотрела на него. В том, что он покинет школу, ничего удивительного не было. Мы все покинем ее.

– Чем ты собираешься заняться? – спросила я.

Кристиан пожал плечами.

– Вместе с вами отправлюсь ко двору. Тетя Таша жаждет обсудить мое будущее.

Он скривился: его планы, каковы бы они ни были, явно отличались от планов Таши. Большинство королевских мороев после окончания школы собирались поступать в элитные учебные заведения, но едва ли это подходило Кристиану.

Стандартная практика такова: после окончания школы новоиспеченные стражи отправляются к королевскому двору, чтобы лучше познакомиться с тем, что им достанется защищать, и получить конкретные назначения. Нам всем предстояло уехать через пару дней. Проследив за взглядом Кристиана, я увидела на другом конце комнаты его тетю, и, ей-богу, она разговаривала с Эйбом!

Таше Озера было около тридцати; волосы точно вороново крыло и льдистые голубые глаза подчеркивали ее сходство с племянником. Ее красивое лицо, правда, с одной стороны портил ужасный шрам – результат ранения, полученного в сражении с родителями Кристиана. В отличие от Дмитрия, обращенного в стригоя насильственно, чета Озера сознательно выбрала этот путь ради бессмертия. По иронии судьбы, стражи выследили их и убили. Таша растила Кристиана, пока он не поступил в школу, и была одним из лидеров той группы мороев, которые хотели сражаться.

Шрам не мешал мне восхищаться ею и считать красавицей. Судя по поведению моего отца, он придерживался того же мнения: налил ей бокал шампанского и сказал какую-то фразу, отчего она рассмеялась, потом наклонилась к нему, словно говоря что-то по секрету, и он тоже рассмеялся. У меня прямо челюсть отвисла. Даже издали было видно, что они флиртуют.

– Бог мой... – пробормотала я и торопливо обернулась к Кристиану.

Он, похоже, испытывал противоречивые чувства: с одной стороны, его забавляла моя неловкость, а с другой – ему самому было не по себе при виде того, как женщина, к которой он относился как к матери, кокетничает с человеком, имеющим репутацию гангстера. Потом он снова перевел взгляд на Джил и продолжил разговор.

– Не волнуйся, ты прекрасно обойдешься без меня, – сказал он. – Тут есть и другие. Не успеешь оглянуться, как вокруг тебя соберется целый клуб супергероев.

Я снова улыбнулась, но внезапно ощутила затопивший меня поток ревности, такой мощный, что все добрые чувства разлетелись вдребезги. Вздвигнув, я оглянулась и заметила на другом конце комнаты Лиссу, вперившую в Кристиана убийственный взгляд.

Стоит упомянуть, что раньше Кристиан и Лисса встречались. Нет, не просто встречались; это было нечто большее. Они любили друг друга и, честно говоря, продолжали любить до сих пор. К несчастью, кое-какие недавние события внесли напряженность в их отношения,

и Кристиан порвал с ней. Он по-прежнему любил ее, но перестал ей доверять. Так получилось, что Лисса на какое-то время утратила контроль над собой, когда другой пользователь духа, Эйвери Лазар, постаралась подчинить ее себе. В конце концов мы сумели остановить Эйвери, и сейчас она находилась в психиатрической больнице, как я слышала. Теперь Кристиан понимал причины ужасного поведения Лиссы, однако былые их отношения не вернулись. Вначале Лисса впала в депрессию, которая постепенно начала сменяться гневом.

Она заявляла, что не хочет больше иметь с ним ничего общего, но наша внутренняя связь открывала мне ее подлинные чувства: она ревновала его к любой девушке, с которой он разговаривал, и в особенности к Джил, поскольку теперь он проводил с ней много времени. Я-то знала, что никакой романтикой тут и не пахнет: Джил боготворила его как мудрого учителя, и только. Если она и была в кого влюблена, то разве что в Адриана – он всегда обращался с ней нежно, словно с младшей сестренкой. В общем, мы все к ней так относились.

Кристиан проследил за моим взглядом, и его лицо застыло. Убедившись, что привлекла его внимание, Лисса отвернулась и принялась болтать с первым попавшимся парнем, симпатичным дэмпиром из моего класса, – пустила в ход все свое кокетство и обаяние, которое с такой легкостью дается пользователям духа, и вскоре они смеялись и разговаривали в том же стиле, что Эйб с Ташей. Моя вечеринка превращалась в череду скоротечных свиданий.

– Ну, похоже, она не скучает, – заметил Кристиан.

Я закатила глаза. Оказывается, не одну Лиссу терзала ревность. Как она злилась всякий раз, когда Кристиан разговаривал с другими девушками, так и он приходил в раздражение, если она общалась с другими парнями. Это просто выводило из себя. Вместо того чтобы признать, что их чувства не угасли, и попытаться снова наладить отношения, эти идиоты всячески старались друг друга задеть.

– Не пора ли тебе унять и просто поговорить с ней как разумному человеку? – простонала я.

– Конечно. – В его тоне послышалась горечь. – Как только она поведет себя как разумный человек.

– О бог мой! Из-за вас, ребята, у меня скоро все волосы повылезают.

– Это было бы очень обидно – такие прекрасные волосы! Кроме того, она ясно дала понять, чего хочет.

Я начала возражать, обзывая его тупицей, но он был не в настроении снова выслушивать лекцию, которую я обрушивала на него не меньше десяти раз.

– Пошли, Джил, – сказал он. – Розе надо и с другими поговорить.

Он быстро зашагал прочь, и я с трудом сдержала желание догнать его и вбить немного здравого смысла ему в голову, но тут раздался новый голос.

– Ты вообще собираешься что-то с этим делать? – Тоже глядя вслед Кристиану, рядом со мной стояла Таша. – Эти двое снова должны быть вместе.

– Я понимаю это. Вы понимаете это. Но похоже, в их тупых головах это никак не укладывается.

– Ну, лучше бы ты поскорее все уладила. А то будет поздно – Кристиан поступит в колледж на другом конце страны.

Лисса, по соглашению с Татьяной, собиралась поступать в университет в Лихае, сравнительно недалеко от двора. Этот университет крупнее тех, где обычно учатся морои, что очень радовало Лиссу; в обмен на это она согласилась больше времени проводить при дворе, изучая королевские порядки и привыкая к ним.

– Знаю, – раздраженно сказала я. – Но почему, интересно, именно я должна их мирить? Таша улыбнулась.

– Потому что только ты обладаешь достаточным влиянием на обоих.

Я выслушивала все эти разглагольствования в основном потому, что, разговаривая со мной, Таша, по крайней мере, отвлеклась от Эйба. Между тем, бросив взгляд в его сторону, я окаменела. Теперь он беседовал с моей матерью, и сквозь шум до меня доносились обрывки их разговора.

– Джанин, – соловьем разливался он, – ты не постарела ни на день. Ты могла бы быть сестрой Розы. Помнишь ту ночь в Каппадокии?

И моя мать захихикала в ответ! Никогда прежде я от нее такого не слышала и, клянусь, не хотела бы услышать снова.

– Конечно. И еще я помню, как ты стремился помочь, когда у меня порвалась бретелька платья.

– Бог мой! – пробормотала я. – Этому просто конца-краю нет.

Таша проследила за моим взглядом.

– Ты об Эйбе? Да, он человек обаятельный.

– Прошу прощения, – простонала я и зашагала к родителям. Ну да, я смирилась с тем, что когда-то у них был роман, в результате которого я появилась на свет, но это совсем не означало, будто я жажду наблюдать, как они заново переживают его. Когда я подошла к ним, они вспоминали какую-то прогулку на пляже, но я потянула Эйба за руку – он стоял слишком близко к ней.

– Эй, можно поговорить с тобой?

– Конечно, – с удивлением ответил он и одарил мать многозначительной улыбкой. – Увидимся позже.

– Что, здесь ни одна женщина не может чувствовать себя в безопасности? – спросила я, уводя его.

– О чем ты?

Мы остановились рядом с чашей для смешивания пунша.

– Ты флиртуешь со всеми женщинами!

– Ну, здесь так много прекрасных женщин... – Он как будто не понимал, чем я возмущена. – Ты это хотела обсудить со мной?

– Нет! Я хотела поговорить о том, что ты угрожал моему бойфренду. Ты не имел права делать это.

– Ах, это? – Он вскинул темные брови. – Пустяки. Любой отец присматривает за дочерью.

– Большинство отцов не угрожают выпотрошить бойфренда дочери.

– Выпотрошить? Ну, если быть точным, я обещал ему нечто гораздо хуже.

Я вздохнула. Мое раздражение, похоже, только забавляло его.

– Воспринимай это как подарок в честь окончания школы. Я горжусь тобой. Все знали, что ты себя покажешь, но никто не знал насколько. – Он подмигнул мне. – И уж точно никто не ожидал, что пострадает имущество.

– Какое еще имущество?

– Мостик.

Я нахмурилась.

– Так уж получилось – это был самый эффективный способ. Ситуация не оставляла выбора. А что насчет других новичков? Разве им не приходилось сражаться на этом мосту?

Эйб покачал головой, наслаждаясь каждым мгновением, когда он знал то, что мне неведомо.

– В такую ситуацию не был поставлен больше никто.

– Чувствуй! Все проходили одинаковые испытания.

– Все, кроме тебя. Планируя испытания, стражи решили, что для тебя нужно придумать что-то особенное. В конце концов, тебе приходилось участвовать в реальных схватках.

– Что? – воскликнула я так громко, что на нас начали оглядываться. Припомнилось то, о чем раньше говорила Мередит. Я понизила голос. – Это несправедливо!

– Ты во всех отношениях превосходишь остальных. Наверное, было бы несправедливо, если бы перед тобой поставили задачу, слишком для тебя легкую.

Мне не раз приходилось сталкиваться со всякими нелепостями, но это было что-то из ряда вон.

– Значит, они заставили меня проделать этот безумный трюк, а теперь еще удивляются, что я перерезала крепления моста? Интересно, а чего другого они от меня ожидали? Как, по их мнению, я могла справиться иначе?

– Хмм... – Он рассеянно погладил подбородок. – По правде говоря, вряд ли они представляли себе это.

– О боже! Просто ушам своим не верю!

– Почему это тебя так злит? Ты прошла испытания, вот что главное.

– Потому что они поставили меня в ситуацию, из которой даже сами не знали, как выбраться. – Я бросила на него подозрительный взгляд. – И откуда тебе обо всем этом известно? Вообще-то это дело стражей и никого больше.

На его лице мелькнуло выражение, которое мне совсем не понравилось.

– Ну, я провел эту ночь с твоей матерью и...

– Стоп! – прервала я его. – Не хочу выслушивать, чем вы с матерью занимались этой ночью. Думаю, это было похлеще моего моста.

– И то и другое уже в прошлом, стоит ли теперь беспокоиться? – Он усмехнулся. – Радуйся своему успеху.

– Постараюсь. Просто не беспокойся о моих отношениях с Адрианом, ладно? В смысле, я рада, что ты приехал поддержать меня, но этого больше чем достаточно.

Эйб бросил на меня пронизательный взгляд, напомнивший о том, что под маской щеголя скрывается умный, опасный человек.

– Ты вроде бы радовалась, когда после твоего возвращения из России я сумел оказать тебе любезность.

Я состроила гримасу. Он намекал на то, что умудрился переслать сообщение в тюрьму строгого режима. Пусть это ничего не дало, все равно я должна была рассматривать попытку как одолжение с его стороны.

– Ладно, это и впрямь было здорово, – признала я. – И я тебе благодарна. Хотя по-прежнему не знаю, как ты сумел это повернуть. – Внезапно в сознании всплыла мысль, мелькнувшая перед самым испытанием. Я понизила голос. – Ты ведь не ездил туда лично?

– Конечно нет, – фыркнул он. – Ноги моей не будет в этом месте. Я использовал свою сеть.

– Где точно это находится? – вкрадчиво спросила я.

– Зачем тебе это? – Его было не так просто обмануть.

– Любопытно! Осужденные преступники всегда исчезают без следа. Теперь я страж, а между тем не имею никакого представления о нашей тюремной системе. Одна у нас тюрьма или несколько?

Эйб ответил не сразу, внимательно вглядываясь в мое лицо. По роду своей деятельности он склонен подозревать всех в наличии скрытых мотивов, а меня, как свою родную дочь, имел основания подозревать вдвойне. Это у него в генах.

Видимо, он недооценил потенциальные возможности моего безумия, поскольку в конце концов ответил:

– Тюрьма не одна, конечно, и Виктор в самой надежной из них. Она называется «Тарасто».

– Где это?

– В данный момент? – Он задумался. – На Аляске, насколько я в курсе.

– Как это понимать – «в данный момент»?

– Она перемещается в течение года. Сейчас на Аляске, позже будет в Аргентине. – Он хитро улыбнулся, по-видимому желая выяснить, насколько я сообразительна. – Догадываешься почему?

– Нет... хотя постой. Солнечный свет. – Это объяснение вполне подходило. – В это время года на Аляске почти круглосуточно день.

Думаю, он гордился моей сообразительностью даже больше, чем успехом в испытаниях.

– Если пленник попытается сбежать, ему придется нелегко. При ярком солнечном свете ни один морой далеко не уйдет, хотя при их уровне охраны побег практически невозможен.

Славная перспектива, ничего не скажешь.

– Надо полагать, ее загнали на самый север Аляски. – Мне хотелось вытянуть из него точное местоположение тюрьмы. – Там света больше.

Он засмеялся.

– Этого даже я не знаю. Закрытая информация, которая хранится в штаб-квартире стражей.

Я замерла. Штаб-квартира...

Эйб, обычно очень наблюдательный, не заметил моей реакции. Его взгляд был прикован к кому-то на другом конце комнаты.

– Это что, Рене Селски? Надо же! Какая красавица выросла!

Взмахом руки я неохотно отпустила его; главным образом потому, что хотела обдумать созревающий в мозгу план. К тому же я почти не знала Рене – пусть себе заигрывает с ней, если хочет.

– Ну, не буду задерживать тебя. Иди, увлекай женщин в свои сети.

Подгонять Эйба не требовалось. Оставшись одна, я задумалась, имеет ли зарождающийся план шансы на успех. В конце концов, он был не намного безумнее остальных.

Я снова встретила взглядом с Лиссой; поскольку Кристиана видно не было, ее настроение улучшилось. Теперь, когда мы освободились от школы и перед нами открывался весь мир, ее волновала перспектива предстоящих приключений. Я мысленно вернулась к тому, о чем уже думала раньше: может, в каком-то смысле мы теперь и свободны, но совсем скоро окажемся в плену реальности. Часы тикают. Дмитрий выжидает и наблюдает. Интересно, будут ли и дальше приходить его еженедельные письма – теперь, когда школа для меня останется позади?

Я улыбнулась Лиссе и с чувством вины подумала, что подпорчу ей настроение, когда сообщу: возможно, у нас появился реальный шанс устроить побег Виктору Дашкову.

Три

Следующие два дня прошли странно. Заключительные испытания новичков продолжали оставаться в центре внимания, но мы были не единственными, кто заканчивал Академию Святого Владимира. У мороев тоже прошла церемония вручения дипломов, и гостей в кампусе все прибывало. Потом родители исчезли так же быстро, как и появились, забрав с собой дочерей и сыновей. Королевские отпрыски собирались провести лето в роскошных семейных поместьях – в основном в южном полушарии, где в это время года дни короче. Обычные выпускники-мороев тоже разъехались; их ждали летние каникулы в более скромных условиях и, возможно, подработка перед поступлением в колледж.

И конечно, в связи с окончанием школьных занятий и наступлением лета все остальные студенты уезжали тоже. Правда, некоторые, не имеющие родных и дома, обычно дампиров, оставались здесь круглый год и посещали факультативные занятия, но таких было меньшинство. Кампус пустел с каждым днем, а я и мои одноклассники ждали, когда нас повезут к королевскому двору. Мы попрощались с остальными – юными мороями и дампирями, которым вскоре предстояло пойти по нашим стопам.

Единственным человеком, расставание с которым огорчало меня, была Джил. Я столкнулась с ней по дороге к Лиссе за день до отъезда ко двору. С ней была женщина, как я подумала, ее мать, и обе тащили коробки. При виде меня лицо Джил просияло.

– Привет, Роза! Я попрощалась со всеми, но тебя никак не могла найти! – взволнованно затараторила она.

– Ну вот ты и нашла меня, – с улыбкой ответила я. – Очень приятно.

В отличие от Джил сегодня я не тратила времени на прощания, но говорить ей об этом не стала. Свой последний день в Академии я провела, обходя знакомые места, начиная с кампуса младшей школы, где мы впервые встретились с Лиссой в детском саду. Я обследовала коридоры и закоулки общежитий, заглянула в любимые классные комнаты и даже в церковь. Посещение некоторых мест – скажем, тренировочных залов, где я много времени провела с Дмитрием, – пробуждало горькие воспоминания. Тропинка, по которой мы когда-то бегали кругами. Хижина, где мы в конце концов уступили взаимному влечению. Это была одна из самых изумительных, незабываемых ночей моей жизни; мысль о ней всегда порождала в душе и радость, и боль.

Конечно, грузить Джил моими переживаниями не стоило. Я протянула руку ее матери и только тут сообразила, что она не может пожать ее, поскольку держит коробку.

– Я Роза Хэзевей. Давайте я помогу вам.

Я забрала у нее коробку, прежде чем она успела возразить.

– Спасибо, – сказала она, приятно удивленная, мы пошли дальше вдвоем. – Я Эмили Мастрано. Джил рассказывала о тебе.

– Правда? – Я улыбнулась Джил.

– Не так уж много. Просто, что мы иногда с тобой общаемся.

В зеленых глазах Джил вспыхнул предостерегающий огонек, и до меня дошло – Эмили, скорее всего, не в курсе, что в свободное время дочь упражняется в запрещенных формах магии с целью научиться убивать стригоев.

– С Джил приятно иметь дело, – сказала я, поняв ее намек. – И надеюсь, когда-нибудь нам удастся научить ее укрощать свои непокорные волосы.

Эмили рассмеялась.

– Я на протяжении почти пятнадцати лет быюсь над этим. Удачи вам.

Внешне мать и дочь мало походили друг на друга, но выглядела Эмили великолепно: роскошные прямые черные волосы и темно-голубые глаза с длинными ресницами. Двигалась

она с гибкой грацией, сильно отличающейся от неуклюжей походки Джил. Тем не менее то тут, то там проглядывали общие гены – в лице в форме сердечка, в рисунке губ. Джил была еще очень юна, но по мере взросления, без сомнения, сама станет разбивать сердца, о чем, наверное, пока даже не подозревает. Хотелось надеяться, что будет расти и ее уверенность в себе.

– Откуда вы родом? – спросила я.

– Из Детройта. – Джил наморщила нос.

Ее мать засмеялась.

– Там не так уж плохо.

– Никаких гор, одни шоссе.

– Я танцую в балете, – пояснила Эмили. – Мы живем там, где платят.

Меня удивило не столько то, что Эмили балерина, сколько сам факт того, что жители Детройта посещают балетные спектакли. Выглядела она вполне подходяще, и вообще морои, учитывая их высокий рост и стройные фигуры, идеальные танцовщики в представлении людей.

– Это же большой город! – сказала я Джил. – Получай удовольствие, а то ведь потом опять вернешься в это скучное место, где людей раз-два и обчелся. – Конечно, жизнь, в которой присутствуют занятия запрещенными боевыми искусствами и нападения стригоев, вряд ли можно назвать скучной, но мне хотелось поднять Джил настроение. – И опять же это ненадолго.

Летние каникулы у мороев длятся чуть меньше двух месяцев: родители жаждали, чтобы их дети как можно меньше оставались без защиты, которую обеспечивала Академия.

– Наверное, ты права, – ответила Джил без особой убежденности в голосе.

Мы подошли к их машине, я положила коробки в багажник и пообещала:

– Я буду связываться с тобой по e-mail, когда смогу. И спорю, Кристиан тоже. Может, я даже уговорю Адриана послать тебе весточку.

Джил просияла; я обрадовалась, увидев, что она вернулась к своему нормальному состоянию легкой взбудораженности.

– Правда? Это было бы замечательно. Хотелось бы знать обо всем, что происходит при дворе. Вы с Лиссой и Адрианом наверняка будете заниматься разными интересными делами, а Кристиан узнает много нового о... разных вещах.

Эмили, казалось, не заметила, что Джил чуть не проговорила, и мило улыбнулась мне.

– Спасибо за помощь, Роза. Рада была познакомиться с тобой.

– Ты... уф! – Джил неожиданно обняла меня. – Удачи во всем. Ты такая счастливая – у тебя начинается по-настоящему замечательная жизнь!

Я, в свою очередь, обняла ее, даже не пытаясь объяснить, как сильно сама завидую ей. Ее жизнь проста и безопасна. Может, она и не в восторге от перспективы провести лето в Детройте, но это продлится недолго, и совсем скоро она вернется в знакомый, безопасный мир Академии. Ей не придется ринуться в неизвестность, грозящую труднопредставимыми опасностями.

Только когда их машина отъехала, я пробормотала в ответ на ее последнее замечание:

– Надеюсь, ты права. Очень на это надеюсь.

Я думала о том, что меня ждет.

Мои одноклассники и некоторые избранные морои улетели рано утром на следующий день, покинув скалистые горы Монтаны ради холмов Пенсильвании. Королевский двор выглядел так же впечатляюще, как мне помнилось, и вызывал то же ощущение старины, которое пыталась воспроизвести Академия Святого Владимира с ее островерхими зданиями и замысловатой архитектурой. Однако если в школе преобладал дух науки и прилежания, то при дворе большую роль играла внешняя, показная сторона, как будто сами здания пытались убедить нас

в том, что это место – средоточие силы и власти мороев. Королевский двор стремился потрясать и, может быть, немного даже устрашать.

И хотя я уже бывала здесь, тем не менее он произвел на меня впечатление. Все двери и окна желтовато-коричневых каменных зданий имели золоченые, богато украшенные рамы. Им было далеко до того великолепия, которое я видела в России, но теперь я понимала, что создатели дворцовых зданий брали за образец европейскую старину – например, особняки и усадьбы Санкт-Петербурга. Лужайки украшали фонтаны и статуи прежних правителей – изысканные мраморные творения, в прошлый мой приезд укрытые снегом, а сейчас, в разгар лета, выставленные на всеобщее обозрение и радующие глаз. И везде, везде цветы – на деревьях, на кустах, по сторонам тропинок... Потрясающе!

Безусловно, выпускникам школы имело смысл посетить главное управление стражей, но только сейчас до меня дошло, что приезд сюда в разгар лета преследовал и другую цель. Власти хотели, чтобы, увидев все это, новоиспеченные стражи почувствовали свою сопричастность к тому великолепию, за которое сражались. Глядя в лица недавних новичков, я понимала, что эта тактика приносит успех. Большинство их впервые оказались при дворе.

Лисса и Адриан летели одним рейсом со мной, и, покинув самолет, мы держались вместе. Было тепло, как в Монтане, а вот влажность ощущалась гораздо сильнее – я вспотела после совсем короткой прогулки.

– На этот раз, надеюсь, ты взяла с собой платье? – спросил Адриан.

– Конечно. Нас ведь ждут интересные мероприятия, не говоря уж о главном приеме, хотя как раз на нем я могу появиться и в своем черно-белом наряде.

Адриан покачал головой, потянулся к карману, но потом отдернул руку. Он определенно почти победил свою тягу к курению, но, оказавшись на свежем воздухе, невольно тянулся к пачке – ведь от некоторых привычек так быстро не избавишься.

– Я имею в виду сегодняшний вечер. Обед.

Я вопросительно посмотрела на Лиссу. Порядок ее жизни при дворе включал в себя разнообразные церемонии, к участию в которых простые смертные не допускались. Учитывая мой новый, пока не слишком определенный статус, я не знала, буду ли сопровождать ее. Благодаря нашей связи я почувствовала ее недоумение; она тоже не понимала, о каком сегодняшнем обеде идет речь.

– Что за обед? – спросила я.

– Тот, который устраивают мои родные.

– Твои... – Я резко остановилась; самодовольная улыбка на его лице мне совсем не нравилась. – Адриан!

Проходя мимо, новоиспеченные стражи с любопытством поглядывали на нас.

– Перестань, мы встречаемся уже месяца два, и знакомство с родителями – часть этого ритуала. Я виделся с твоей мамой и даже с твоим жутким отцом. Теперь твоя очередь. Гарантирую, что никто из моих родных не станет делать тебе таких предупреждений, как твой отец мне.

На самом деле я уже познакомилась с отцом Адриана; ну, точнее говоря, видела его на одной вечеринке. Сомневаюсь, чтобы он догадывался, кто я такая, хотя наверняка был осведомлен о моей репутации. О матери Адриана я не знала почти ничего, поскольку он вообще не имел склонности распространяться о родных.

– Там будут только твои родители? – настороженно спросила я. – Больше никого? Или еще какие-то родственники, о которых мне неплохо бы знать заранее?

– Ну... – Рука Адриана снова дернулась к карману – возможно, слыша предостерегающие нотки в моем голосе, на этот раз он хотел прибегнуть к сигарете как к средству защиты. Лисса между тем явно забавлялась, слушая нашу перепалку. – Может заглянуть моя любимая тетя.

– Татьяна? – воскликнула я, в сотый раз задаваясь вопросом, как это меня угораздило сойтись с парнем, связанным родственными узами с главой всего моройского мира. – Она же ненавидит меня! Тебе известно, что произошло во время нашей последней встречи!

Ее королевское величество накинулась на меня, вопя, что я не пара ее внучатому племяннику, что у нее свои грандиозные планы в отношении него и Лиссы.

– Думаю, она изменила свое мнение.

– Ой, брось!

– Нет, правда. – Как ни странно, было похоже, будто он и в самом деле верит в то, что говорит. – Я разговаривал с мамой и... Похоже, тетя Татьяна больше не питает к тебе ненависти.

Мы между тем продолжили путь.

– Может, на нее произвела впечатление твоя недавняя свободная охота на стригоев, – задумчиво сказала Лисса.

– Может быть, – ответила я, хотя на самом деле не верила в это. Если уж на то пошло, подобного рода своеволие должно было еще больше уронить меня в глазах королевы.

Адриан фактически навязал мне этот обед, и я воспринимала его поступок как своего рода предательство. Но теперь-то что мне оставалось делать? Утешало лишь то, что, по-моему, он просто дразнил меня, обещая свидание с тетей. Я согласилась пойти, приведя его тем самым в такое хорошее настроение, что он не стал ничего выспрашивать, когда мы с Лиссой заявили, что днем собираемся заняться собственными делами. Все мои одноклассники принимали участие в экскурсии по двору и его уголкам, но я уже видела все это и сумела отвертеться. Мы с Лиссой закинули вещи в свои комнаты и отправились в дальнюю часть территории дворцового комплекса, туда, где жили люди попроще.

– Может, пока расскажешь, в чем состоит твой новый план? – спросила Лисса.

После разговора с Эйбом о месте заключения Виктора я мысленно составила список новых проблем, которые нам предстояло решить. В основном их осталось две, то есть на одну меньше, чем до разговора с Эйбом. Хотя, конечно, это не сильно облегчило ситуацию. Во-первых, мы понятия не имели, где точно на Аляске находится тюрьма. Во-вторых, мы не знали ни ее планировки, ни системы охраны, то есть было совершенно неясно, с чем нам придется столкнуться.

Тем не менее что-то подсказывало мне, что ответы на эти вопросы можно найти в одном источнике. А из этого следовало, что проблема перед нами стоит одна: как добраться до этого источника. По счастью, был человек, который, как мне казалось, в состоянии помочь нам.

– Для начала мы идем повидаться с Мией.

Моройка Мия Ринальди когда-то была нашей одноклассницей и одновременно злейшим врагом. Но, как выяснилось позже, она обладала огромным потенциалом к духовному росту, благодаря чему прошла долгий путь: от интриганки и суки, готовой ради популярности спать с кем угодно, до разумной, уверенной в себе девушки, страстно желающей научиться защищать себя от стригоев. При дворе она жила со своим отцом.

– Ты думаешь, Мия знает, как проникнуть в тюрьму?

– Мия, конечно, обладает целым рядом достоинств, но вряд ли настолько осведомлена. Однако я думаю, она сумеет помочь нам разведать кое-что.

Лисса застонала.

– Просто ушам своим не верю – ты только что произнесла слово «разведать»! Прямо шпионское кино какое-то!

Она говорила вроде бы беспечно, но я чувствовала в ее душе беспокойство. За небрежным тоном она пыталась скрыть страх и тревогу, которые ей по-прежнему внушала идея освободить Виктора. Тем не менее она твердо решила выполнить данное мне обещание.

Обычные морои, которые обслуживают двор, живут в апартаментах, заметно отличающихся от гостевых и собственно королевских. Адрес Мии я выяснила заранее, и теперь мы шли через превосходно ухоженные уголья, жалуюсь друг другу на жару. Мия оказалась дома – одетая в джинсы и тенниску, с фруктовым мороженым в руке. Увидев нас, она удивленно распахнула глаза.

– Чтоб мне провалиться!

Я рассмеялась.

– Ну, я тоже рада тебя видеть. Можно войти?

– Конечно. – Она отступила в сторону. – Хотите мороженое?

Будто я когда-нибудь отказывалась! Я выбрала виноградное, и втроем мы расположились в маленькой гостиной. Квартира заметно отличалась от роскошных номеров королевской гостиницы, но здесь было уютно и чисто; чувствовалось, что Мия и ее отец любят свой дом.

– Я знала, что выпускники приезжают, – сказала хозяйка, убирая с лица светлые локоны, – но не была уверена, будешь ты среди них или нет. Ты хоть школу-то закончила?

– А как же! Получила знак обещания и все такое.

Я приподняла волосы, демонстрируя ей повязку.

– Удивительно, что тебя приняли обратно после того, как ты сбежала, чтобы открыть охоту на стригоев. Или это лишь добавило тебе баллов?

По-видимому, до Мии дошли рассказы о моих приключениях в том виде, в каком они были распространены среди широкой публики. Меня это вполне устраивало – не хотелось разговоров о том, что происходило на самом деле. А также о Дмитрие.

– По-твоему, можно помешать Розе делать то, что она хочет? – с улыбкой спросила Лисса.

Мия рассмеялась и с хрустом откусила большой кусок лаймового мороженого.

– Да уж. – Взгляд пронизательных голубых глаз был прикован к моему лицу, и постепенно ее улыбка угасла. – И сейчас Роза тоже чего-то хочет.

– Мы просто пришли повидаться с тобой, – сказала я.

– Верю. Но также убеждена, что тебе что-то от меня надо.

Теперь заулыбалась Лисса – ее забавляло то, что в новой игре в шпионов я близка к провалу.

– Откуда такое предположение? Ты так хорошо умеешь читать по ее лицу? Или считаешь, что в ее действиях всегда есть скрытый мотив, а иначе и быть не может?

Мия снова улыбнулась.

– И то и другое. – Она наклонилась вперед, не сводя с меня серьезного взгляда. И откуда в ней эта пронизательность? – Ладно, нет смысла впустую тратить время. Чего ты от меня хочешь?

Я вздохнула, признавая свое поражение.

– Мне нужно проникнуть в главный офис стражей.

Лисса рядом со мной издала такой звук, будто ее душат. Мне отчасти стало стыдно. Она могла скрывать от меня некоторые свои мысли, однако почти все, что она говорила или делала, не было для меня сюрпризом. Другое дело я, постоянно наносящая ей удары исподтишка. По большей части она понятия не имела, что конкретно у меня на уме. Хотя, по правде говоря, по сравнению с нашим намерением освободить из тюрьмы известного преступника проникновение в офис стражей было почти пустяком.

– Класс! – воскликнула Мия. – Ты на мелочи не размениваешься. – Она слегка поджала губы. – Конечно, ты не пришла бы ко мне с какой-нибудь ерундой, с которой в состоянии разобраться сама.

– Можешь ты помочь мне... нам... проникнуть туда? – спросила я. – Ты ведь дружишь с некоторыми здешними стражами. И твой папа имеет доступ во многие помещения.

Я не знала, чем точно занимается мистер Ринальди, но, по-моему, он имел какое-то отношение к техническим службам.

– Что ты хочешь там найти? – спросила она и вскинула руку, когда я открыла рот, собираясь протестовать. – Нет, нет, мне не нужны детали, просто общая идея, чтобы понять, в чем суть. Ведь ясно, ты туда не на экскурсию собираешься.

– Мне нужны кое-какие записи.

– Касательно кадрового состава? – Она вскинула брови. – Хочешь устроиться туда на работу?

– Я... нет.

Ха! Однако это неплохая идея – при моих-то слабых надеждах на распределение к Лиссе. Но нет. По одной проблеме за раз.

– Мне нужны данные о системе безопасности в разных других местах – школах, домах королевских мороев, тюрьмах. – Я постаралась не выделять последнее слово, чтобы оно прозвучало как бы наравне с прочими. В свое время Мия откалывала всякие штучки, но даже ее смелость имела свои пределы. – По-моему, такие вещи хранятся там?

– Да, но в основном в электронном виде. Только без обид, но это, наверное, за пределами твоих способностей. Даже если суметь добраться до их компьютеров, все защищено паролями. А перед уходом они все запирают. Вряд ли со времени нашей последней встречи ты стала хакером.

Нет, определенно нет. И в отличие от героев шпионских фильмов, по поводу которых недавно сострила Лисса, у меня нет технически грамотных друзей, которые способны взломать защищенные базы данных. Проклятье! Я угрюмо уставилась на свои ноги, раздумывая, нельзя ли еще что-нибудь стоящее вытянуть из Эйба.

– Но, – продолжала Мия, – если нужная тебе информация не самая свежая, она, возможно, сохранилась еще и в бумажном виде.

Я вскинула голову.

– Где?

– У них есть множество чуланов в одном из подвалов. Папки, папки – настоящий архив. Правда, под замком, но, однако, вскрыть его легче, чем сражаться с компьютерами. И опять-таки все зависит от того, что тебе нужно. В смысле, насколько это старые данные.

Со слов Эйба у меня создалось впечатление, что тюрьма «Тарасто» существует уже давно, значит, материалы насчет нее в архивах должны иметься. Стражи наверняка отцифровали их какое-то время назад; это означает, что мы можем не обнаружить самых последних изменений в системе охраны, но я хоть получу представление о планировке тюрьмы.

– Возможно, это то, что нам нужно. Сумеешь провести нас туда?

Несколько мгновений Мия молчала, лихорадочно обдумывая что-то.

– Может быть. – Она посмотрела на Лиссу. – Ты по-прежнему способна принуждать людей, чтобы они рабски исполняли твои приказания?

Лисса нахмурилась:

– Мне не нравится эта формулировка, но да, могу.

Это была еще одна способность, которую обретает пользователь духа.

– Ладно. Возвращайтесь в два. Посмотрим, что можно сделать.

Два часа дня для остального мира означают глубокую ночь для мороев. На первый взгляд может показаться, что обделывать темные дела при ярком дневном свете не так уж умно, но мне была понятна логика Мии: в это время мало кого встретишь.

Я задумалась, стоит ли теперь просто пообщаться с ней или пора уходить, когда стук в дверь прервал мои размышления. Мия вздрогнула и, явно испытывая неловкость, подошла к двери. Из-за нее прозвучал знакомый голос.

– Прости, что я так рано, но мне...

В гостиную вошел Кристиан. При виде нас с Лиссой он резко запнулся. На мгновение все замерли.

– Привет, Кристиан! – жизнерадостно воскликнула я, делая вид, что ничуть не замечаю неловкости ситуации. – Как дела?

Его взгляд был прикован к Лиссе и не сразу переместился на меня.

– Прекрасно. – Он посмотрел на Мию. – Могу я вернуться чуть...

Лисса поспешно встала.

– Не стоит, – холодно заявила она с высокомерием принцессы крови. – Нам с Розой пора уходить.

– Да. – Я тоже встала. – У нас есть... дела. И мы не хотим мешать вам...

Черт, я понятия не имела, чем они собираются заниматься, да, наверное, и не хотела знать.

– Кристиан просил показать некоторые приемы, которым меня научили здешние стражи. – Мия наконец обрела голос.

– Круто. – Сохраняя на лице улыбку, я вслед за Лиссой направилась к двери; она обошла Кристиана так далеко, как только смогла. – Джил будет ревновать.

И не только Джил. После очередного раунда прощаний мы с Лиссой вышли и зашагали обратно. Я чувствовала излучаемые ею эмоции: в основном негодование и ревность.

– Это всего лишь бойцовый клуб, Лисс, – сказала я, поскольку не нуждалась в признаниях с ее стороны. – Между ними ничего нет. Они будут обсуждать приемы рукопашного боя и другие такие же скучные вещи.

На самом деле все это были очень даже интересные вещи, но мне никоим образом не хотелось приукрашивать отношения Кристиана и Мии.

– Может, сейчас и впрямь между ними ничего нет, – проворчала она, глядя в пространство перед собой, – но кто знает, чем все обернется? Они вместе проводят время, тренируются, дальше – больше, одно цепляется за другое...

– Чушь! – прервала ее я. – Романтикой здесь и не пахнет. – Еще одно сомнительное утверждение, учитывая, как начинались мои отношения с Дмитрием. – Кроме того, какие основания думать, что Кристиан заводит романы со всеми девушками, с которыми общается? Мия, Джил... не хочу его обидеть, но он явно не дамский угодник.

– Он очень симпатичный.

В душе ее по-прежнему клубилась тьма.

– Да. Но для романа этого мало. И кроме того, мне казалось, тебя не заботит, что он делает.

– Не заботит. – Это прозвучало неубедительно не только для меня, но даже для нее самой. – Абсолютно.

Предпринятые мною на протяжении остального дня попытки отвлечь ее оказались практически безуспешны. В памяти то и дело всплывали слова Таши: «Ты вообще собираешься что-то с этим делать?» Оба, и Лисса, и Кристиан, вели себя чертовски безрассудно, шли на поводу своих обид, а это, в свою очередь, и меня наполняло досадой. Кристиан мог оказать несомненную помощь в моих тайных эскападах, но из-за Лиссы я вынуждена была обходить его стороной.

Наконец настало время знаменательного обеда, и я оставила Лиссу предаваться дурному настроению. По сравнению с ситуацией в ее личной жизни мои отношения с балованным королевским плейбоем, даже из семьи, которая эти отношения не одобряла, внушали гораздо больший оптимизм. Каким грустным, даже ужасным становится мир! Я договорилась с Лиссой, что вернусь сразу после обеда и мы пойдем к Мии. Упоминание об этой девушке не доставило ей удовольствия, но мысль о предстоящем проникновении в запретное место на какое-то время отвлекла от Кристиана.

Платье, которое я надела на этот обед, было насыщенного красно-коричневого цвета из легкой, тонкой ткани – очень удобно в летнее время. Скромный вырез и короткие цельнокроенные рукава придавали ему классический вид. Низко стянутый конский хвост прикрывал еще не зажившую татуировку. В итоге я выглядела почти приличной девушкой, что лишний раз подчеркивает, насколько внешность обманчива – если вспомнить, что я лелеяла безумные замыслы возвращения моего предыдущего бойфренда из мира мертвых.

Родители Адриана проживали при дворе постоянно. При встрече он оглядел меня сверху донизу, и, судя по улыбке, увиденное ему понравилось.

– Ну как, одобряешь? – спросила я, поворачиваясь перед ним.

– К несчастью, да. – Он обхватил меня за талию. – Я надеялся, что ты будешь выглядеть гораздо более вызывающе и сумеешь шокировать моих родителей.

– Иногда мне кажется, будто я как личность тебя вообще не интересую и ты используешь меня исключительно как способ шокировать окружающих.

– Одно верно, другое нет, маленькая дамписка. Я очень даже интересуюсь тобой, но одновременно использую как способ шокировать окружающих.

Вслед за домоправительницей Ивашковых направляясь в гостиную, я постаралась скрыть улыбку. При дворе полно ресторанов и кафе, но королевские морои вроде родителей Адриана считают более утонченным устраивать пышные обеды у себя дома. Лично я предпочла бы общественное место, где больше возможностей сбежать.

– Ты, должно быть, Роза.

Мои размышления были прерваны появлением очень высокой, очень элегантной моройки в длинном атласном платье темно-зеленого цвета, которое смутило меня своим изысканным видом и прекрасно гармонировало с цветом ее глаз – таких же, как у Адриана. Темные волосы были собраны в тяжелый узел. Она взяла меня за руку и одарила искренней, теплой улыбкой.

– Я Даниэлла Ивашкова. Рада наконец познакомиться с тобой.

Насколько можно верить ее словам? Я автоматически пожала протянутую руку.

– Я тоже рада познакомиться с вами, леди Ивашкова.

– Пожалуйста, зови меня Даниэлла. – Она повернулась к Адриану и, цокая языком, расправила воротник его рубашки. – Послушай, дорогой, ты когда-нибудь смотришься в зеркало, прежде чем выйти на люди? У тебя волосы в ужасном беспорядке.

Она потянулась к его голове, но он увернулся.

– Шутишь? Я часами стою перед зеркалом, добиваясь именно этого.

Она выпустила тяжкий вздох.

– Иногда я не знаю, хорошо это или нет, что у меня нет других детей.

За ее спиной слуги бесшумно расставляли на столе еду. С тарелок поднимался ароматный пар, и в животе у меня заурчало. Надеюсь, никто этого не слышал. Даниэлла оглянулась и крикнула в глубину коридора:

– Натан, ты не можешь поторопиться? Еда стынет.

Несколько мгновений спустя послышались тяжелые шаги, и в комнату вошел Натан Ивашков. Он, как и его жена, был одет официально – темный костюм, на фоне которого красиво выделялся голубой атласный галстук. Хорошо, что у них там был кондиционер, а иначе он просто расплавился бы в таком наряде. Некоторые бросающиеся в глаза особенности его внешности запомнились мне еще с прошлого раза: густые серебристые волосы и усы. Интересно, Адриан будет выглядеть так же в его возрасте? А-а, все равно я этого не узнаю. Адриан, скорее всего, начнет красить волосы, как только в них появятся первые серебряные нити.

Я-то помнила хозяина дома, а вот он, очевидно, понятия не имел, кто я такая. И даже как будто искренне удивился при виде меня.

– Это... подруга Адриана, Роза Хэзевей, – представила меня Даниэлла. – Припоминаешь? Он обещал привести ее сегодня.

– Рада познакомиться с вами, лорд Ивашков.

В отличие от жены он не предложил называть его по имени, и я была этому скорее рада. Стригоря, насильственно обратившего Дмитрия, тоже звали Натаном, и мне претило произносить это имя. Когда отец Адриана окинул меня взглядом, я не увидела в нем одобрения – скорее он посчитал меня несколько странной.

– А, девушка-дампирка.

Это прозвучало не резко, скорее безразлично. В смысле, не так, как если бы он обозвал меня «кровавой шлюхой». Мы уселись за стол, и хотя на лице Адриана играла привычная бесшабашная улыбка, я всеми фибрами души ощущала, как сильно ему хочется закурить. И выпить чего-нибудь покрепче. Находиться в обществе родителей явно не доставляло ему удовольствия. Когда слуга налил всем вина, на лице Адриана возникло выражение безмерного облегчения. Я бросила на него предостерегающий взгляд, но он его проигнорировал.

Не теряя элегантности и респектабельного вида, Натан быстро поглощал приправленные бальзамином свиные медальоны.

– Итак, – заговорил он, сосредоточив внимание на сыне, – теперь, когда Василиса окончила учебу, чем ты собираешься заняться? Не болтаться же и дальше со школьниками? Твое пребывание там утратило всякий смысл.

– Не знаю, – лениво протянул Адриан и покачал головой, еще больше растрепав небрежно уложенные волосы. – Мне вообще-то нравится общаться с ними. Я кажусь им интереснее, чем есть на самом деле.

– Понимаю тебя, – заверил его отец. – В тебе пока нет абсолютно ничего интересного. Пора заняться чем-нибудь полезным. Если ты не намерен возвращаться в колледж, начни наконец появляться на деловых встречах семьи. Татьяна балует тебя, но ты можешь многому научиться у Руфуса.

Мне было знакомо это имя. Старший член каждой семьи обычно был ее «принцем» или «принцессой», заседал в Королевском совете – и имел потенциальную возможность стать королем или королевой. Когда корону получила Татьяна, принцем семьи Ивашковых стал Руфус, как старший по возрасту.

– Действительно, – невозмутимо согласился Адриан. Он не столько ел, сколько ковырялся в тарелке. – Меня, к примеру, интересует, как ему удастся держать в тайне от жены существование двух любовниц.

– Адриан! – воскликнула Даниэлла, сильно покраснев. – Не смей говорить такие вещи за нашим обеденным столом – да еще в присутствии гостей.

Натан, казалось, снова заметил меня – и тут же выбросил из головы.

– Неважно, – буркнул он.

Я прикусила губу, подавляя желание посмотреть, что будет, если я запущу свою фарфоровую тарелку ему в голову на манер фрисби¹, но решила не делать этого. Не только потому, что обед был бы испорчен; просто, скорее всего, такой бросок не достиг бы цели. А Натан снова обратил хмурый взгляд на Адриана.

– Твоя судьба – вот что меня волнует. Я не допущу, чтобы ты расслабился, сложа руки... и швыряя на ветер наши деньги.

Что-то подсказывало мне, что вмешиваться не стоит, но вид Адриана, которого отчитывает собственный отец, был невыносим. Ведь благородный отпрыск действительно расслабился, сложа руки, и проматывал деньги. Но Натан не имел права издеваться над ним из-за этого. Я-то, конечно, все время так и поступала, но это другое дело.

¹ Фрисби – «летающая тарелка», пластиковый диск для спортивной игры. (Здесь и далее примечания переводчика.)

– Может, тебе следует поехать с Лиссой в Лихай, – предположила я. – Вместе с ней изучать стихию духа и... делать то, что ты делал, пока был в колледже...

– То есть пить и прогуливать занятия, – уточнил Натан.

– Искусство, – вмешалась в разговор Даниэлла. – Адриан изучал искусствоведение.

– Правда? – Я удивленно воззрилась на него, хотя на самом деле легко могла представить его погруженным в изучение искусствоведения: это хорошо сочеталось с его эксцентричностью. – Прекрасно. Ты смог бы снова заняться этим.

Он пожал плечами и прикончил второй бокал вина.

– Не знаю. В этом колледже, скорее всего, возникнут те же проблемы, что и в предыдущем.

– Что за проблемы? – недоуменно спросила я.

– Домашние задания.

– Адриан! – проворчал его отец.

– Все в порядке, – беззаботно ответил тот. – Мне вовсе не нужна работа или дополнительные заработки. Когда мы с Розой поженимся, нам всем, включая будущих детей, хватит ее зарплаты стража.

Все замерли, даже я, хотя точно знала, что он шутит. Даже если бы он и вынашивал мечты о браке и детях (а я была больше чем уверена, что это не так), скромного заработка стража не хватит, чтобы обеспечить ему ту роскошную жизнь, к которой он привык.

Отец Адриана, однако, явно не воспринял его слова как шутку. Даниэлла, похоже, колебалась. Я же просто испытывала неловкость. Поднимать за обедом такую тему совсем не стоило, и я едва могла поверить, что Адриан это сделал. И даже не могла винить в этом алкоголь: похоже, моему приятелю просто доставляло огромное удовольствие злить своего отца.

Молчание становилось все более тягостным. Меня тянуло прервать его, но некое чувство призывало к молчанию. Напряжение возрастало. Внезапно звякнул дверной колокольчик, и все подскочили.

Домоправительница Торри бросилась открывать дверь, а я мысленно испустила вздох облегчения. Неожиданный гость, наверное, поможет снять напряжение.

Как бы не так.

Вернувшись, Торри взволнованно откашлялась, с тревогой взглянула на Даниэллу с Натаном и объявила:

– Ее королевское величество Татьяна.

Не может быть.

Все Ивашковы резко встали, и спустя полсекунды я тоже. Когда Адриан говорил, что Татьяна может прийти, я не поверила ему. Судя по выражению его лица, он и сам был изрядно удивлен. Но вот она, тут как тут. Быстро вошла в комнату, элегантная, в обычном для нее деловом наряде: строгие черные брюки, жакет и шелковая красная кружевная блузка. В темных волосах поблескивали мелкие драгоценности, высокомерный взгляд обзирал нас, торопливо отвешивающих поклоны.

– Тетя Татьяна, – сказал Натан, нацепив на лицо подобие улыбки; видимо, он делал это нечасто, потому что получилось не слишком удачно. – Отобедаешь с нами?

– Нет, нет! – Она отмахнулась. – Не могу остаться. У меня встреча с Присциллой, я заглянула только потому, что прослышала о возвращении Адриана. – Она обратила взгляд на упомянутого молодого человека. – Просто не верится, что ты уже целый день здесь и до сих пор не нанес мне визита.

Говорила она спокойно, но, клянусь, в глазах мерцали огоньки подлинного веселья. Это пугало. Она никогда не казалась мне теплым, мягким человеком, но ее поведение сейчас резко отличалось от того, что я видела на официальных церемониях.

Адриан улыбнулся ей. Из всех находящихся здесь он один, похоже, не испытывал никакого неудобства. Татьяна любила и баловала его. Это не означало, что она плохо относилась к остальным своим родным, однако, несомненно, отдавала ему предпочтение. Это всегда удивляло меня, поскольку зачастую он вел себя как настоящий грубиян.

– Ну, я посчитал, что у тебя есть дела поважнее, чем встречаться со мной, – ответил он. – Кроме того, я бросаю курить, так что теперь мы не сможем украдкой затянуться сигареткой в туалете.

– Адриан! – взорвался Натан, залившись краской. Просто удивительно, как часто он произносил имя сына с неодобрением. – Тетя, мне очень...

Татьяна снова вскинула руку.

– Ой, помолчи, Натан. Никому не интересно тебя слушать.

Я была в шоке. Нелегко было находиться в одной комнате с королевой, но еще хуже видеть, как она затыкает рот лорду Ивашкову.

Она снова посмотрела на Адриана.

– Значит, ты все-таки бросаешь? Давно пора. Полагаю, это твоих рук дело?

Я даже не сразу сообразила, что она обращается ко мне, до этого я вроде как надеялась, что она вообще меня не заметила, ведь только так можно было объяснить то, что она с порога не завопила, требуя прогнать своевольную «кровавую шлюху». Я вновь была потрясена. И в ее голосе не слышалось обвиняющих ноток; казалось, она находится под впечатлением моих заслуг.

– Н-ну, нет, это не я, ваше величество. – Сейчас я вела себя кротко, совсем не так, как на нашей последней встрече. – Адриан сам принял это решение.

– Очень дипломатично. – Татьяна усмехнулась. – Тебе стоит стать политиком.

Натану не нравилось ее внимание к моей персоне. Да и мне тоже, по правде говоря, несмотря на всю любезность королевы.

– У вас с Присциллой деловая встреча? Или просто дружеский обед?

Татьяна оторвала от меня взгляд.

– И то и другое. Возникли кое-какие разногласия. Наружу еще ничего не просочилось, но появились сомнения по поводу нашей безопасности. Некоторые готовы начать тренироваться прямо сейчас, другие интересуются, могут ли стражи совсем обходиться без сна. – Она закатила глаза. – И это еще наименее безумные идеи.

Надо же! Встреча становилась все более интересной.

– Надеюсь, ты заткнешь рты этим доморощенным воякам, – проворчал Натан. – Чтобы мы сражались бок о бок со стражами... Какой абсурд!

– Абсурд не это, а противостояние между королевскими кланами, – возразила Татьяна. – Вот что я хотела бы прекратить. – Ее тон стал более высокомерным, истинно властным. – Мы – лидеры мороев и должны подавать пример. Должны быть вместе, иначе нам не уцелеть.

Я с любопытством разглядывала ее. Как это понимать? Так она согласна с позицией Натана в отношении участия мороев в сражениях? Она не обозначила этого четко, сказав лишь, что ее больше волнует восстановление мира среди своих. Но как – способствуя развитию нового движения или подавляя его? После нападения стригоев все стали воспринимать обеспечение безопасности как огромную проблему, и разрешить ее предстояло королеве.

– До чего все это утомительно! – заявил Адриан, прикидываясь, будто обсуждаемые предметы в его глазах – полная ерунда. – Ладно уж, если ты как-нибудь захочешь покурить, для тебя я сделаю исключение.

– Если завтра ты явишься ко мне с визитом, этого будет вполне достаточно, – сухо ответила Татьяна. – Сигареты оставь дома. – Она бросила взгляд на его пустой бокал. – И все прочее тоже.

В ее взгляде вспыхнула стальная решимость, и хотя она тут же исчезла, я почувствовала облегчение. Это снова была та холодная Татьяна, которую я знала.

– Слушаюсь. – Он отсалютовал ей.

– Доброго вам вечера. – Она обвела всех быстрым взглядом.

Мы снова поклонились, и королева стремительно зашагала к двери, из-за которой доносились шарканье ног и приглушенные голоса – видимо, Татьяна оставила в вестибюле свою свиту, пока сама ходила поприветствовать Адриана.

После этого за столом в основном было тихо. Визит Татьяны поразил всех. Ну хорошо хоть больше не приходилось слушать перебранку Адриана с отцом. В основном беседу поддерживала Даниэлла – например, расспрашивала, чем я интересуюсь. Внезапно до меня дошло, что во время визита Татьяны она не произнесла ни слова. В семью Ивашковых Даниэлла вошла посредством брака с Натаном – интересно, на нее королева тоже наводит ужас?

Когда обед закончился, Натан удалился к себе в кабинет, а Даниэлла так и цвела улыбками.

– Ты должен приходить к нам почаще, – сказала она Адриану, приглаживая ему волосы, несмотря на все его протесты. – И тебе мы всегда рады, Роза.

– Спасибо.

Я была потрясена и вглядывалась в ее лицо, выискивая в нем признаки неискренности и не находя их. Бессмыслица какая-то. Весь мой опыт свидетельствовал: морои не одобряют долговременных отношений с дампирями, в особенности королевские морои, и уж тем более те, что состоят в родстве с королевой. Адриан вздохнул.

– Может, когда его тут не будет. Ох, черт, это мне кое о чем напомнило! В прошлый раз я оставил здесь свое пальто – так рвался побыстрее смыться.

– У тебя, по-моему, пятьдесят пальто, – заметила я.

– Спроси Торри. Она знает, где оно.

Адриан отправился на поиски домоправительницы, а я осталась с его матерью. Конечно, следовало поддерживать вежливый, поверхностный разговор, но любопытство оказалось сильнее.

– Обед был замечательный. – Тут я не солгала. – Надеюсь, вы не поймете меня неправильно... в смысле... ну, похоже, вы ничего не имеете против, что мы с Адрианом встречаемся.

– Да, так оно и есть. – Она невозмутимо кивнула.

– И... – Ну, я должна была это выяснить. – И Тат... королева Татьяна вроде бы тоже.

– И это правда.

Неимоверным усилием я удержала челюсть, уже готовую выпасть прямо на пол.

– Но... В смысле, когда мы в прошлый раз с ней разговаривали, она ужасно сердилась. Снова и снова повторяла, что никогда в жизни не позволит нам быть вместе, а тем более пожениться. – Я непроизвольно съежилась, вспомнив шутку Адриана. – Думается, вы должны быть того же мнения. Уж лорд Ивашков точно. Вы не можете на самом деле хотеть, чтобы ваш сын связал свою жизнь с дампиркой.

Даниэлла улыбнулась – неуверенно, но по-доброму.

– А ты-то сама собираешься связать с ним свою жизнь? Выйти за него замуж, остепениться?

Эти вопросы застали меня врасплох.

– Я... нет... в смысле, я не хочу обидеть Адриана, просто я никогда...

– ...вообще не планировала остепениться? – Она понимающе кивнула. – Я так и думала. Поверь, раньше Адриан вел себя ужасно несерьезно, и все уже перестали ждать, что он когда-нибудь изменится. Я слышала о тебе, Роза... все слышали. И восхищаюсь тобой. Судя по тому, что мне известно, могу предположить – ты не того типа девушка, которая готова отказаться от миссии стража и стать просто домохозяйкой.

– Вы правы.

– Поэтому я не вижу тут проблемы. Вы оба очень молоды и сейчас вольны делать все, что пожелаете. Однако я... точнее, мы с тобой понимаем, что даже если всю оставшуюся жизнь ты время от времени будешь встречаться с Адрианом, это не означает, что вы поженитесь и остепенитесь. И отношение Натана – или кого угодно еще – не играет тут никакой роли. Так устроена жизнь. Так устроена ты – я вижу это по твоим глазам. Татьяна тоже поняла это, поэтому и перестала принимать ваши отношения близко к сердцу. Тебе нужна борьба, этим путем ты и пойдешь. По крайней мере, если действительно собираешься быть стражем.

– Собираюсь.

Я удивленно смотрела на нее: ее позиция ошеломляла. Она была первой известной мне королевской моройкой, которая не сходила с ума от досады от одной мысли о возможном браке своего отпрыска и дампирки. Если бы другие думали так же, это многим облегчило бы жизнь. И она была права, не придавая значения позиции Натана. Даже будь Дмитрий здесь, и это ни на что не повлияло бы. Суть в том, что мы с Адрианом не можем быть вместе всю оставшуюся жизнь, потому что я всегда буду выполнять обязанности стража, а не бездельничать, как он. Осознание этого вызывало ощущение свободы... но одновременно и грусти.

За ее спиной я увидела идущего по коридору Адриана. Даниэлла наклонилась ко мне и, понизив голос, сказала тоном обеспокоенной матери:

– Но знаешь что, Роза? Хотя я совершенно нормально воспринимаю то, что вы встречаетесь и счастливы этим, пожалуйста, постарайся не разбить его сердце вдребезги, когда придет время расстаться.

Четыре

О разговоре с его матерью я предпочла Адриану не рассказывать. По пути назад в гостиницу не требовалась никакая психическая связь, чтобы почувствовать, в каком неоднозначном настроении он пребывал. Его безумно раздражал отец, но радовало одобрение матери. Не хотелось причинить ему боль, объясняя, что она лишь потому мирится с нашими отношениями, что считает их временными и неглубокими.

– Значит, ты сбегашь с Лиссой? – спросил он у двери моей комнаты.

– Ну да, извини. Понимаешь... всякие девичьи дела.

Под «девичьими делами» я разумела взлом режимного объекта и хищение засекреченной информации.

Адриан выглядел разочарованным, но я знала, что он ничего не имеет против нашей с Лиссой дружбы. Он улыбнулся, обнял меня за талию, наклонился и поцеловал. Наши губы слились, по телу распространилось тепло, всегда удивлявшее меня. Спустя несколько прекрасных мгновений мы оторвались друг от друга, что, судя по выражению глаз Адриана, далось ему нелегко.

– Увидимся позже, – сказала я.

Он еще раз быстро поцеловал меня и зашагал к себе.

А я отправилась на поиски Лиссы, которая, как выяснилось, сидела в своей комнате и сосредоточенно разглядывала серебряную ложку. Благодаря нашей связи я поняла: она пытается напитать ложку неким магическим зарядом, чтобы каждый, кто ее возьмет, развеселился. Мелькнула мысль – она пытается изготовить лекарство от грусти для себя самой или просто экспериментирует? Однако углубляться в ее сознание, чтобы выяснить это, я не стала, а лишь спросила:

– Почему ложка?

Она пожала плечами и отложила столовый прибор.

– Ну, серебро раздобыть не так уж просто. Приходится брать то, что под рукой.

– Пожалуй, это сделало бы званые обеды гораздо веселее.

Улыбнувшись, она положила ноги на кофейный столик черного дерева. Каждый раз при виде его я невольно вспоминала похожую полированную мебель в моей «тюрьме» в России. Сражаясь тогда с Дмитрием, я использовала в качестве оружия ножку кресла, выполненного в том же стиле.

– Кстати... а как прошел твой званый обед?

– Не так плохо, как я ожидала, – призналась я. – Раньше я понятия не имела, какой козел папаша Адриана. Зато его мать очень мила. Совершенно спокойно относится к тому, что мы встречаемся.

– Да, я знакома с ней. Она приятная женщина... хотя, как мне казалось, не настолько, чтобы спокойно относиться к скандальным романам. Надо полагать, ее королевское величество не почтила вас своим присутствием?

Лисса спросила это просто в шутку, поэтому мой ответ сразил ее.

– Почтила, и... это тоже было не так уж плохо.

– Что? Ты сказала «не так уж плохо»?

– Знаю, знаю, звучит недостоверно. На самом деле она заскочила на минутку, чтобы повидать Адриана, и вела себя так, будто в моем присутствии там ничего ужасного нет. – Я не стала пересказывать точку зрения Татьяны на участие мороев в сражениях. – Конечно, если бы она осталась, кто знает, что произошло бы? Может, она повела бы себя как раньше. Тогда мне понадобилось бы все заряженное твоей магией столовое серебро, чтобы удержаться и не запустить в нее ножом.

Лисса застонала.

– Роза, так шутить нельзя!

– Я просто говорю то, что ты боишься произнести вслух. – Я усмехнулась.

– Давненько я такого не слышала.

Она не удержалась от улыбки. Моя поездка в Россию сказала на нашей дружбе не лучшим образом, но тем самым помогла мне понять, как много эта дружба для меня значит.

После этого мы просто болтали – обсуждали Адриана и всякие слухи. Я с радостью отметила, что Лисса справилась со своим плохим настроением и выкинула из головы Кристиана; однако чем ближе к вечеру – и к надвигающейся вылазке с Мией, – тем больше она тревожилась.

– Все пройдет нормально, – сказала я, когда пришло время отправляться. Оделись мы просто: джинсы и тенниски. Было приятно знать, что школьный комендантский час на нас больше не распространяется, однако и выйти при свете дня казалось примерно, что выставить себя на всеобщее обозрение. – Пустяковое дело.

Лисса искоса взглянула на меня, но промолчала. Ведь целью нашего налета была штаб-квартира стражей, которые и обеспечивали безопасность в нашем мире! Что ни говори, это отнюдь не пустяк!

Мия выглядела преисполненной решимости, и благодаря этому я тоже приободрилась, а также потому, что она оделась во все черное. Правда, при свете дня это особого значения не имело, но соответствовало духу нашего предприятия. Я умирала от желания узнать, чем они занимались с Кристианом, да и Лисса тоже, однако касаться этой темы ни у кого желания не было.

По моим прикидкам, шансы на успех плана, который изложила нам Мия, составляли процентов шестьдесят пять. Лиссе предстояло воспользоваться своим даром влиять на чужую волю, но раз уж она была «в деле», то согласилась на это. Мы несколько раз прошлись по всем деталям и только после этого направились к зданию, где было сосредоточено управление деятельностью стражей. Я уже видела их штаб-квартиру, но только снаружи, когда Дмитрий водил меня повидаться с Виктором, который сидел в камере в соседнем здании. Как и предполагала Мия, в это время дня служащих там было мало.

Войдя внутрь, мы оказались в приемной – точно такой же, как в любом другом административном здании. Суровый с виду страж сидел перед монитором, окруженный шкапами с документами и столами. Вероятно, в это «время ночи» дел у него было немного, и тем не менее чувствовалось, что он настороже. Я взглянула на дверь за его спиной: именно за ней, по словам Мии, скрывались все секреты стражей, их документы, главный офис и... служба видеонаблюдения за всеми важными участками дворцового комплекса.

Несмотря на всю свою суровость, при виде Мии страж улыбнулся.

– Не поздновато для тебя? Ты пришла на тренировку?

Она улыбнулась в ответ. Видимо, он был из тех, с кем у нее завязались дружеские отношения за время пребывания при дворе.

– Нет, просто не спится что-то. Вот хочу показать друзьям все тут.

Вопросительно выгнув бровь, он окинул взглядом меня и Лиссу.

– Принцесса Драгомир. Страж Хэзевей.

Впервые обо мне упомянули, употребляя мое новое звание. Поначалу я даже удивилась и испытала легкое чувство вины: так или иначе, я собиралась обмануть тех, к кому сама теперь принадлежала.

– Это Дон, – представила его Мия. – Дон, принцесса просит о небольшом одолжении.

Она многозначительно посмотрела на Лиссу. Та сделала глубокий вдох, и наша связь позволила мне ощутить, как она вызвала в себе вспышку силы.

– Дон, дай нам ключи и код к архивам внизу, – приказала она, вперив взгляд в стража. – И отключи там все камеры наблюдения.

– С какой стати я... – Он нахмурился.

Однако она не спускала с него глаз, и я увидела, что магия подчиняет его волю. Лицо Дона разгладилось, хмурое выражение исчезло, и я испустила вздох облегчения. Множество людей в силах сопротивляться магии принуждения – в особенности если она исходит от заурядного мороя. Власть над стихией духа придавала Лиссе особые силы, но все же нельзя было в точности предсказать заранее, сможет ли она подчинить того или иного человека.

– Конечно, – ответил он, встал, выдвинул ящик стола и протянул Мие ключи, которые она тут же передала мне. – Код – четыре три один два пять семь восемь.

Я запомнила цифры, а Дон поманил нас к знаменательной двери. За ней во всех направлениях тянулись коридоры.

– Вот туда. – Страж указал на тот, что уходил вправо. – В конце сверните налево и спуститесь на два лестничных пролета. Правая дверь.

Мия посмотрела на меня, проверяя, все ли мне ясно. Я кивнула, и она снова повернулась к нему.

– Теперь нужно отключить камеры наблюдения.

– Отведи нас туда, – жестко скомандовала Лисса.

Дон не мог воспротивиться ее приказу; они с Мией последовали за проводником, а я осталась, предоставленная самой себе. Осуществление следующей части плана целиком ложилось на меня, и я торопливо зашагала по коридору. Пусть сейчас служащих здесь мало, и все же вероятность столкнуться с кем-то существовала – а я не владела магией принуждения, которая помогла бы избежать неприятностей.

Описание оказалось точным, но ни в коей мере не подготовило меня к предстоящему. Набрав код и войдя в подвал, я увидела огромное помещение, заполненное бесконечными рядами шкафов с папками – конца им не было видно. Флуоресцентные лампы и сверхъестественная тишина наводили жуть. Здесь хранилась вся информация стражей до цифровой эры. Один бог знает, как далеко в глубь времен простирались эти записи. До Средневековья? Внезапно меня охватило уныние: мыслимое ли дело – найти здесь хоть что-то нужное?

Я подошла к первому шкафу слева и с облегчением обнаружила, что на нем есть этикетка с надписью: АА1. На следующем значилось АА2 и так далее. О господи! Пришлось пройти мимо нескольких шкафов, чтобы миновать эти бесконечные буквы «А». Хорошо, разумеется, что информация располагалась в алфавитном порядке, но лишь одолев около трех четвертей помещения, я добралась до шкафов с обозначением на Т; и только среди них, в ящике ТА27, нашла папку тюрьмы «Тарасто».

Папка была ужасно толстая, битком набитая самыми разными документами. История тюрьмы, схема ее перемещения, поэтажные планы для каждого местоположения. Я просто глазам своим не верила. Столько информации... Что мне нужно, а что нет? Что окажется полезным? Ответ созрел почти мгновенно: мне нужно все. Я задвинула ящик, зажала папку под мышкой и рысцой припустила в обратный путь.

Теперь, когда я нашла то, что требовалось, желание сбежать становилось неодолимым. Я почти добралась до выхода, как вдруг послышался негромкий щелчок и дверь сама открылась мне навстречу. В помещение вошел незнакомый дамбир, и я замерла. Он тоже замер в полном ошеломлении, и я порадовалась уже тому, что он не попытался немедленно пригвоздить меня к стене и начать допрашивать.

– Ты Роза Хэзевей, – сказал он.

Господи боже! Есть здесь кто-нибудь, кто меня не знает?

Я напряглась, не представляя, чего ожидать дальше, но ответила таким тоном, как будто в нашей встрече здесь нет ничего особенного:

– По-видимому. А ты кто?

– Майкл Теннер, – все еще с недоуменным видом ответил он. – Что ты здесь делаешь?

– Выполняю поручение, – невозмутимо заявила я и кивнула на папку. – Дежурному стражу кое-что понадобилось.

– Лжешь. Я – дежурный по архивам. Если кому-нибудь что-нибудь понадобится, посылают меня.

Ох, дерьмо! Такой блестящий план – и все насмарку. И вдруг странная мысль пришла мне в голову. Вьющиеся темные волосы, средний рост, возраст ближе к тридцати, и в целом вид симпатичный... Нет, очевидно, мы с этим человеком раньше не встречались, по крайней мере, во внешности его я ничего знакомого не видела, но вот имя... или что-то, связанное с этим именем...

– Госпожа Карп, – вспомнила я, удивленная собственной догадкой. – Ты – тот... У тебя был роман с госпожой Карп.

– Что тебе об этом известно? – Он настороженно сощурил голубые глаза.

Я взволнованно слотнула. Не у меня первой возникла проблема, из-за которой я оказалась в этом архиве. Имелся прецедент.

– Ты любил ее и попытался убить, после того... после ее обращения.

Госпожа Карп, тоже пользователь духа, несколько лет назад преподавала у нас. Когда под воздействием побочных эффектов своей магии она начала сходить с ума, то сделала единственное, что позволяло сохранить здравый рассудок: стала стригоем. А Майкл, ее возлюбленный, выбрал единственный путь, чтобы положить конец ее существованию в таком качестве, – попытался найти и убить ее. До меня внезапно дошло, что я столкнулась с героем любовной истории почти столь же драматической, как моя собственная.

– Но ты так и не нашел ее? – спросила я.

Он молчал, устремив на меня тяжелый взгляд.

О чем он думал? О ней? О своих страданиях? Или пытался понять, чего я добиваюсь?

– Не нашел, – в конце концов ответил он. – Пришлось прекратить поиски. Стражи больше нуждались во мне.

Он хорошо держал себя в руках, чем всегда отличались его коллеги, но в глазах Майкла я видела печаль – понятную мне, как никому другому. На мгновение я заколебалась – но у меня оставалась единственная возможность избежать ареста и не оказаться в тюремной камере.

– Знаю... Знаю, у тебя есть веские причины сдать меня. Это твоя обязанность – и на твоём месте я действовала бы так же. Но суть в том, что... – Я снова кивнула на папку. – Я пытаюсь сделать то же, что и ты когда-то. Спасти одного человека.

Он молчал. Думаю, он предположил, что под словом «спасти» я разумею «убить». Если он знал, кто я такая, то наверняка знал и то, кто являлся моим наставником. Немногие были в курсе моего романа с Дмитрием, но понять, что его судьба тревожит меня, не составляло труда.

– Это бесполезно, – наконец сказал Майкл, и его голос еле заметно дрогнул. – Я старался... Из всех сил пытался найти ее! Но когда они исчезают... когда не хотят, чтобы их нашли... – Он покачал головой. – Тут ничего не поделаешь. Я понимаю, почему ты хочешь сделать это. Поверь мне, прекрасно понимаю. Но ничего не получится. Ты никогда не найдешь его, если он сам этого не захочет.

Мелькнула мысль: как много я могу рассказать Майклу? Как много придется ему рассказать? И еще я подумала, что если на свете есть кто-нибудь, понимающий, через что я прошла, то это стоящий передо мной человек. Кроме того, у меня особого выбора не было.

– Штука в том, что я, кажется, имею возможность найти его, – медленно заговорила я. – Потому что он сам ищет меня.

– Что? – Майкл вскинул брови. – Откуда ты знаешь?

– Он... ну... посылает мне письма, где пишет об этом.

Мгновенно в нем снова проступили черты непримиримого воина.

– Если ты точно можешь найти его, то... Ты должна приложить все силы, чтобы убить его.

Вздвигнув при последних словах, я снова почувствовала страх при мысли о том, что собиралась сказать дальше.

– Ты поверишь мне, если я скажу, что существует способ спасти его?

– Ты имеешь в виду, уничтожив?

– Нет. – Я покачала головой. – Имеется в виду именно спасти. Вернуть в прежнее состояние.

– Нет, – быстро ответил Майкл. – Это невозможно.

– Возможно. Я знаю того, кто сделал это... кто вернул стригоя обратно.

Это была маленькая ложь – на самом деле я его пока не знала, но собиралась добраться до него по цепочке «я знаю того, кто знает того, кто знает...»

– Это невозможно, – повторил Майкл. – Стригой мертвые. Или не-мертвые, что одно и то же.

– Но что, если такой шанс существует? Что, если это можно сделать? И госпожа Карп, Соня, опять сможет стать моройкой, и вы могли бы снова быть вместе!

Это также означало бы, что она опять подверглась бы опасности сойти с ума, но этой проблемой можно будет заняться и позже. Казалось, прошла вечность, а он все молчал, и с каждым мгновением моя тревога возрастала. Лисса не могла без конца применять магию принуждения, и я обещала Мии поторопиться. Если я не сумею быстро выбраться отсюда, наш план провалится. Однако, пристально вглядываясь в лицо Майкла, я видела на нем колебания. Спустя столько лет он по-прежнему любил свою Соню.

– Если то, что ты говоришь, правда – а я в это не верю, – тогда я пойду с тобой.

Тпру, нет! В нашем плане такого не предусмотрено.

– Это невозможно, – быстро ответила я и добавила еще одну маленькую ложь: – Я действую не в одиночку – у меня уже есть люди, которые этим занимаются. Включение в команду нового человека может все погубить. Если ты действительно хочешь мне помочь, хочешь получить шанс вернуть ее – просто позволь мне уйти.

– Это не может быть правдой, – повторил он.

Однако в его голосе слышалось сомнение, и я воспользовалась этим.

– Может, стоит рискнуть?

Снова последовало молчание. Я начала истекать потом. Майкл на мгновение закрыл глаза, сделал глубокий вдох, отступил в сторону и кивнул на дверь:

– Уходи.

Я чуть не рухнула от облегчения и поспешно вцепилась в дверную ручку.

– Спасибо! Огромное тебе спасибо.

– У меня могут быть большие неприятности, – устало добавил он, – а ведь я все равно не верю, что ты чего-то добьешься.

– Но надеешься на это. – Мне не требовался его ответ – я и так знала, что права. Открыв дверь, я оглянулась на Майкла и на этот раз не увидела в его лице скрытой печали. – Если ты действительно хочешь помочь, то... я знаю как.

Еще один кусочек головоломки встал на место – я сообразила, каким должен быть наш следующий шаг. Выслушав, что от него требуется, он, к моему удивлению, сразу согласился. Наверное, действительно до сих пор любит ее. Мы оба выросли с твердым убеждением, что вернуть стригоя невозможно, и тем не менее оба страстно желали этого.

После этого я прокралась наверх. Дона за его столом не было; интересно, что Мия с ним сделала? Выяснить это я, однако, не стала и выскользнула наружу, в маленький двор, где мы договорились встретиться.

Обе мои подруги уже расхаживали там. Теперь, когда тревога оставила меня, я открыла себя для нашей связи и почувствовала волнение Лиссы.

– Слава богу! – воскликнула она при виде меня. – Мы думали, тебя схватили.

– Ну... это долгая история. – И в данный момент пересказывать ее я не собиралась. – Я нашла то, что требовалось. И... даже гораздо больше. Думаю, у нас все получится.

Мия искоса взглянула на меня.

– Ты собираешься ознакомить меня с вашими планами?

Я покачала головой.

– Думаю, не стоит.

И мы зашагали прочь.

Пять

По возвращении в комнату Лиссы я решила, что нам лучше не ложиться спать, а заняться документами. Мой рассказ о встрече с Майклом вызвал у нее смешанные чувства. Сперва она удивилась, но на смену удивлению вскоре пришли страх и беспокойство. Присутствовало и некое умиление по поводу тех подвигов, которые я и Майкл готовы совершить ради своих возлюбленных. Еще она спрашивала себя, смогла бы сама решиться на это, окажись в подобной ситуации Кристиан, и мгновенно решила, что да, конечно. Она по-прежнему испытывала к нему сильные чувства, но тут же напомнила себе, что он ее больше не волнует...

– Чем ты недовольна? – спросила Лисса.

И тут до меня дошло, что, с волнением читая ее мысли, я выпускала громкие вздохи. Не желая, чтобы она обнаружила мое вторжение в ее сознание, я кивнула в сторону бумаг, разложенных на постели.

– Просто пытаюсь разобраться во всем этом.

Что почти соответствовало действительности.

Планировка тюрьмы оказалась довольно сложной. Крошечные камеры, только одиночные, занимали два этажа. Понятно, почему заключенных держат по отдельности: таким образом их лишали возможности стать стригоями, еще Эйб когда-то говорил об этом. Если бы мне предстояло провести в тюрьме многие годы, то пришлось бы бороться с искушением убить сокамерника, сделавшись таким образом стригоем, и сбежать. Камеры были сосредоточены в самом центре здания и окружены караульными помещениями, офисами, «тренировочными площадками», кухней и комнатой для «кормления». В документах приводились схема смены караула и расписание «кормления» заключенных. Их по одному, под строжайшей охраной, отводили в специальное помещение и позволяли выпить совсем немного крови – опять-таки с целью держать в ослабленном состоянии и не допустить превращения в стригоев.

Ценная информация, конечно, но вот соответствует ли она текущему положению вещей? Документы были пятилетней давности. Можно не сомневаться, сейчас в тюрьме появились все современные средства наблюдения. Получалось, что рассчитывать на точность информации можно лишь в двух вопросах: о местоположении тюрьмы и планировке здания.

– Как у тебя обстоят дела с изготовлением амулетов? – спросила я Лиссу.

Ей не удалось вложить в сделанное для меня кольцо достаточно исцеляющей магии духа – одна моя знакомая женщина по имени Оксана достигла в этом заметно больших успехов. И все же благодаря ему моя неуравновешенность, возникшая под воздействием тьмы, слегка уменьшилась. Лисса сделала кольцо и для Адриана, но я не знала, помогает ли оно ему бороться с порочными наклонностями – он ведь сам им потворствовал, поскольку так ему было легче защищаться от вредного влияния стихии духа.

Она пожала плечами и откинулась на спину. Чувствовалось, что она очень устала, но изо всех сил старается бодрствовать ради меня.

– Вроде бы лучше. Хотелось бы мне встретиться с этой твоей Оксаной.

– Может, и встретишься. – По правде говоря, я не думала, что Оксана когда-нибудь покинет Сибирь, куда сбежала со своим стражем и теперь едва ли жаждет с кем-то общаться. И после всего, что мне пришлось пережить в Сибири, я уж точно не хотела, чтобы сама Лисса оказалась там. – А можешь ты вложить в амулет что-нибудь еще, кроме исцеляющей силы? – И спустя мгновение я сама ответила на свой вопрос: – Ах, да! Ложка.

Лисса состроила гримасу, перешедшую в зевок.

– Не думаю, что это работает так уж хорошо.

– Ну...

– Что ты хочешь сказать?

– Вот что мне пришло в голову. – Я посмотрела на документы. – Если ты сможешь сделать амулеты, заряженные магией принуждения, это будет для нас полезно. Нужно заставить людей видеть то, что нам требуется.

Конечно, если даже Виктор – чья сила по части принуждения значительно уступала возможностям Лиссы – сумел создать амулет с заклинанием вождения, она может сделать то, о чем я прошу. Она нуждалась лишь в практике, однако мне не хотелось настаивать: ведь чем больше она станет прибегать к стихии духа, тем больше будут сказываться его побочные эффекты. Если не прямо сейчас, то в будущем они непременно проявят себя и не принесут Лиссе ничего хорошего.

Она с любопытством посмотрела на меня, но потом снова зевнула, и я сказала, что все, хватит, я объясню свою мысль завтра. Она не спорила. Мы быстро обнялись, и я ушла к себе. Времени на сон осталось немного, но надо было использовать то, что есть. Завтра нас ждал долгий день.

На судебный процесс, где рассматривалось дело Виктора, я пришла одетой во что-то вроде черно-белой формы стражей, – с чужого плеча. Находясь на службе, мы, как правило, носим обычную одежду, однако на предстоящих мероприятиях, по мнению их устроителей, должны были выглядеть сугубо профессионально. Наутро после нашего незаконного проникновения в штаб-квартиру я впервые почувствовала, что такое истинный стиль стражей.

Не в пример тому случаю, сегодня мне доставили форменную одежду, сшитую по моим меркам: черные слаксы, белую блузу на пуговицах и черный жакет. Все сидело великолепно. Сексуальным наряд не выглядел – что от него и не требовалось, – но в том, как он облегал нижнюю половину тела, чувствовалось что-то удивительно приятное. Я с удовлетворением оглядела себя в зеркало, подумала и собрала волосы в высокий узел, открыв обозрению все знаки молнии. Кожа на шее все еще была раздражена, но, по крайней мере, повязка больше не требовалась. Собственный сугубо официальный вид напомнил мне о Сидни. Она алхимик, то есть человек, работающий совместно с морями и вампирами и обеспечивающий сокрытие от остального мира сам факт существования вампиров. У нее хороший вкус, и она всегда выглядит так, словно готова к деловой встрече. Я все время держала в памяти послать ей на Рождество портфель.

Сегодня был именно тот день, когда имеет смысл пустить пыль в глаза. После испытаний и окончания школы это был следующий важный шаг к тому, чтобы стать настоящим стражем. Нас ждал ланч, на который были приглашены все выпускники и морои, нуждающиеся в услугах стражей, чтобы они смогли оценить возможных кандидатов. Сейчас сведения о наших школьных достижениях, включая результаты испытаний, уже широко распространились, и эта встреча давала морям возможность приглядеться к нам и подать заявку на того, кого они хотели бы видеть своим стражем. Естественно, большинство гостей принадлежали к королевским семьям, но должны были присутствовать и другие важные персоны.

Лично я отнюдь не жаждала вызвать фурор с целью подцепить нанимателя из какой-нибудь высокопоставленной семьи, поскольку стремилась остаться возле Лиссы. Тем не менее следовало постараться произвести хорошее впечатление – чтобы всем стало ясно, что охранять принцессу Драгомир должна именно я.

В королевский танцевальный зал мы с ней отправились вместе. Только он был достаточно велик, чтобы вместить всех приглашенных, в число которых входили не только выпускники Академии Святого Владимира. Все американские школы посылали сюда своих повзрослевших питомцев, и в первый момент вид черно-белого моря вызвал у меня легкое головокружение. Кое-где виднелись небольшие вкрапления других красок – королевские морои в своих лучших нарядах слегка оживляли эту цветовую гамму. Стены, украшенные фресками в мягких тонах,

казалось, испускали легкое мерцание. Лисса надела обтягивающее фигуру зеленовато-голубое платье, хоть и не бальное, тем не менее выглядевшее очень элегантно.

Королевских мороев приучали к подобным мероприятиям с детства, поэтому они чувствовали себя здесь как рыба в воде, но в поведении будущих стражей явственно ощущалась неловкость. Впрочем, в этом не было большой беды: сейчас не нам предстояло кого-то найти, а другие старались наладить контакты с нами. Все выпускники носили металлические бляхи с выгравированными на них именами. Никаких стикеров с надписью типа: ПРИВЕТ, МОЕ ИМЯ... Морои распознавали нас по бляхам, подходили и начинали расспрашивать.

Светская болтовня меня не слишком привлекала, а потому мы с Лиссой прямиком устремились к буфету и нашли тихий уголок, где могли без помех заняться канapé и бутербродами с икрой. Точнее, эти последние ела Лисса; мне они слишком напоминали Россию.

И конечно, первым нас отыскал Адриан.

– Интересно, что ты здесь делаешь? – Я встретила его появление недоуменной улыбкой. – Тебе ведь страж не нужен.

Поскольку конкретных планов на будущее Адриан не имел, предполагалось, что он будет просто жить при дворе, а там особая защита ему не потребуется. Разумеется, все было бы иначе, если бы он решил выйти во внешний мир.

– Да, но разве я мог пропустить такое сборище?

В руке он держал бокал с шампанским. Интересно, кольцо Лиссы больше на него не действует? Само собой, выпивать время от времени – грех не такой большой, и в своем послании ко мне по этому поводу он выражался весьма туманно. Больше всего я хотела, чтобы он бросил курить.

– Наверное, тобой уже интересовались человек десять, не меньше? – спросил он.

Я покачала головой.

– Кому нужна безрассудная Роза Хэзевей, способная бросить свои обязанности ради каких-то собственных дел?

– Много кому. Мне уж точно. В бою тебе нет равных, и вспомни – все убеждены, будто ты уезжала, чтобы самостоятельно охотиться на стригоев. Уверен, многие считают, что такие способности вполне компенсируют необузданный характер.

– Он прав, – внезапно произнес новый голос.

Подняв взгляд, я увидела подошедшую к нам Ташу Озера. Она улыбнулась, и я в который раз подумала, что все-таки она очень хороша собой, несмотря на шрам; сегодня больше, чем когда-либо, в ее облике сказывалось высокое происхождение. Королевская осанка, блестящие длинные черные волосы. На ней были темно-синяя юбка, кружевная безрукавка, туфли на высоких каблуках и драгоценные украшения – вот чего я точно никогда прежде не видела на ней.

Ее появление меня обрадовало: я и не знала, что она тоже приехала ко двору. Странная мысль мелькнула в голове.

– Неужели вам в конце концов тоже позволили приобрести стража?

Королевские морои никогда не выказывают неприязни напрямую, используя вежливые способы ограничивать тех, кто находится в немилости. В случае семьи Озера их доля стражей была сокращена наполовину – в качестве наказания за то, что совершили родители Кристиана. Я считала это вопиющей несправедливостью: Озера имели точно такие же права, как другие королевские семьи.

– Вероятно, таким способом стараются заткнуть мне рот – я имею в виду дискуссию по поводу участия мороев в сражениях. – Она кивнула. – Взятка в некотором роде.

– Едва ли с вами этот номер пройдет.

– Конечно нет. Одно хорошо – мне будет с кем практиковаться. – Ее улыбка увяла, и она неуверенно оглядела нас. – Надеюсь, никто не будет в обиде, но... Я подала заявку на тебя, Роза.

Мы с Лиссой испуганно посмотрели друг на друга. Я не знала, что и сказать.

– Надеюсь, тебя распределят к Лиссе, – явно испытывая неловкость, торопливо добавила Таша. – Но похоже, королева имеет склонность упорно стоять на своем. Если это как раз такой случай...

– Все в порядке, – ответила я. – Если я не смогу быть с Лиссой, то предпочту быть с вами.

И это была истинная правда. Больше всего на свете я хотела защищать Лиссу, но если нас разлучат, пусть мне лучше достанется Таша, чем какой-нибудь королевский сноб. Правда, мое распределение к ней казалось так же маловероятным, как и к Лиссе. Те, кого возмутила моя выходка с «побегом», сделают все, чтобы поставить меня в невыносимые условия. И пусть Таша получила право иметь стража, с ее желаниями тоже вряд ли посчитаются, таким образом, мое будущее по-прежнему оставалось весьма туманным.

– Ничего себе! – воскликнул Адриан, обиженный тем, что не ему я отдала предпочтение после Лиссы.

Я покачала головой.

– Ты прекрасно знаешь, что меня распределят к женщине. И еще – чтобы заслужить право иметь стража, тебе нужно сначала самому определиться, как дальше жить.

Я хотела, чтобы это прозвучало шутливо, но, судя по выражению лица Адриана, он был задет всерьез. В чертах Таши тем временем отразилось облегчение.

– Рада, что ты не против. Со своей стороны я сделаю все, чтобы помочь вам обоим. – Она закатила глаза. – Хотя, сами понимаете, мое мнение не очень-то принимается в расчет.

Вряд ли имело смысл говорить Таше о моих сомнениях насчет нашего будущего сотрудничества. Я поблагодарила ее за предложение, но тут к нам приблизилась еще одна знатная гостья: Даниэлла Ивашкова.

– Адриан, – мягко выбрала она его с улыбкой на лице, – ты буквально взял в плен Розу и Василису и не даешь никому другому насладиться их обществом. – Она перевела взгляд на нас. – А между тем королева желает видеть вас обоих.

Просто великолепно. Мы поднялись, Адриан остался сидеть, явно не стремясь увидеться со своей тетей. Таша, по-видимому, тоже. Даниэлла кивнула ей, вежливо, но холодно, и удалилась, уверенная, что мы с Лиссой следуем за ней. Было нечто парадоксальное в том, что Даниэлла, вроде бы готовая принять меня, не могла одолеть предвзятости по отношению к семье Озера. Так далеко ее обходительность не распространялась.

У Таши, однако, выработался иммунитет к вещам подобного рода.

– Желаю получить удовольствие, – сказала она нам с Лиссой и посмотрела на Адриана. – Еще шампанского?

– Леди Озера, – галантно ответил он, – мы с вами мыслим в одном направлении.

Я ненадолго задержалась, прежде чем последовать за Даниэлкой. Восхищенная тем, как великолепно сегодня выглядит Таша, я только сейчас обратила внимание на одну деталь.

– Ваши драгоценности сделаны из серебра? – спросила я.

Она рассеянно прикоснулась к ожерелью с опалами; на пальцах блестели три кольца.

– Да. Почему ты спрашиваешь?

– Может, это покажется вам странным... впрочем, наверняка не больше, чем мои обычные странности. Не могли бы вы... э-э-э... одолжить мне их?

Лисса стрельнула в меня взглядом, сразу же догадавшись о моих намерениях. Нам требовались новые амулеты, а серебряных вещей было мало. Таша вопросительно выгнула бровь, но, как большинство моих друзей, она привыкла спокойно воспринимать странные идеи.

– Конечно, – ответила она. – Только можно чуть позже? Не хотелось бы остаться без них в разгар этого мероприятия.

– Никаких проблем.

– Я пришлю их в твою комнату.

Уладив этот вопрос, мы с Лиссой направились туда, где стояла Татьяна в окружении своих прихлебателей. Даниэлла, вероятно, ошиблась, говоря, что Татьяна хочет видеть нас обеих. Воспоминания о том, как королева кричала на меня из-за Адриана, все еще пылали в сознании, а встреча на обеде у Ивашковых не ввела меня в заблуждение и не заставила вообразить, будто мы теперь лучшие подруги.

Тем не менее, к моему огромному изумлению, при виде нас с Лиссой ее величество Татьяна расплылась в улыбке.

– Василиса. И Розмари.

Она поманила нас к себе, и толпа расступилась. Я приближалась, полная нехороших ожиданий: неужели она начнет кричать на меня перед всеми этими людьми?

Но по-видимому, она не собиралась этого делать. Сначала Татьяна представила Лиссу новым королевским мороям, неизменно присутствующим на таких встречах. Все, конечно, с любопытством воззрились на принцессу Драгомир. Меня представили тоже, хотя мне королева не пела дифирамбов, как Лиссе. И все же это далеко превзошло мои ожидания.

– Василиса, – заговорила Татьяна, покончив с формальностями, – думаю, в самое ближайшее время тебе нужно съездить в Лихай. Примерно полторы недели назад все договоренности насчет твоей дальнейшей учебы были достигнуты. Мы намеревались сделать тебе этот приятный сюрприз к дню рождения. Серена и Грант, естественно, будут сопровождать тебя, и я пошлю с вами еще несколько человек.

Серена и Грант были теми стражами, которым предстояло защищать Лиссу вместо меня и Дмитрия. Ясное дело, они отправятся с ней. И тут Татьяна добавила нечто поразительное:

– И ты, Роза, тоже можешь поехать с ними, если хочешь. Без тебя Василиса едва ли сумеет в полной мере насладиться своим праздником.

Лисса просияла. Лихайский университет! Именно в надежде попасть туда она согласилась пожить при дворе. Лисса просто жаждала учиться, желательно у хороших преподавателей, и королева предоставила ей такую возможность. Перспектива этой поездки вызвала в ее душе взрыв волнения и восторга – и в особенности потому, что она сможет отпраздновать свой восемнадцатый день рождения вместе со мной. Во всяком случае, все мысли о Викторе и Кристиане вылетели у нее из головы, а это о многом говорит.

– Спасибо, ваше величество. Это будет замечательно.

Я понимала: если мой план в отношении Виктора начнет осуществляться, то очень может быть, что ко времени этой поездки нас здесь не окажется. Однако портить Лиссе удовольствие я не собиралась и, уж конечно, не могла заговорить об этом в окружающей королеву толпе придворных. Вдобавок я еще не пришла в себя оттого, что меня тоже пригласили. Больше ничего касательно меня Татьяна не добавила, но, надо отметить, вела себя со мной любезно – для нее, по крайней мере, – примерно как у Ивашковых. Не как лучшая подруга, но определенно и не как бешеная сука. Пожалуй, Даниэлла была права.

Вокруг гудела болтовня: все обменивались любезностями и старались произвести впечатление на королеву, и вскоре стало ясно, что мое присутствие больше не требуется. Оглянувшись, я нашла взглядом нужного мне человека и незаметно скользнула в сторону, зная, что Лисса сама сумеет позаботиться о себе.

– Эдди! – крикнула я. – Наконец-то я тебя нашла.

Эдди Кастиль, мой давний друг, улыбнулся в ответ. Он тоже дампир – высокий, с вытянутым, узким, но довольно симпатичным лицом, в котором проглядывало что-то мальчишеское. В виде исключения сегодня его песочного цвета волосы были тщательно причесаны. Лисса

когда-то надеялась, что у нас с Эдди может завязаться роман, но мы упорно оставались просто друзьями. Зато по мне с ума сходил Мейсон, симпатичный парень и лучший друг Эдди, пока не погиб по вине стригоя. После смерти Мейсона мы с Эдди всегда оберегали друг друга. Во время нападения стригоев на Академию его, среди прочих, похитили, и в итоге богатый опыт борьбы позволил ему стать умелым, храбрым стражем, серьезным – иногда даже чересчур. Мне всегда хотелось, чтобы он почаще расслаблялся, и сейчас я с удовольствием отметила счастливый блеск в его карих глазах.

– Наверное, все королевские морои пытаются заарканить тебя, – поддразнила я его.

В этой шутке содержалось немало правды. На протяжении всего приема я поглядывала на него и постоянно видела кого-нибудь рядом. Его личное дело впечатляло. Ему пришлось пережить немало ужасных событий, наверняка оставивших шрамы в душе, но, безусловно, способствовавших и возрастанию его мастерства. Он и в школе учился великолепно, и испытания прошел прекрасно, но в отличие от меня не имел репутации неуправляемого безумца – короче, представлял собой стоящую добычу.

– Вроде того. – Он засмеялся. – По правде говоря, не ожидал такого.

– Хватит скромничать. В этом зале круче тебя нет никого.

– Не считая тебя.

– Ага. Заметил, какая длинная очередь ко мне выстроилась? Насколько я знаю, Таша Озера – единственная, кто хочет меня заполучить. И Лисса, конечно.

На лице Эдди возникло задумчивое выражение.

– Могло быть хуже.

– И будет хуже. Ни одна из них мне не достанется.

Мы замолчали, и внезапно меня охватило беспокойство. Вообще-то я подошла к Эдди, чтобы попросить его об одной услуге, но внезапно эта идея показалась мне не такой уж хорошей. Парень стоял на пороге блестящей карьеры. Как преданный друг, он, конечно, не откажет мне в помощи, но... Нет, я не могла ни о чем его просить. Однако он был очень наблюдателен – не менее, чем Мия.

– Ты чем-то огорчена, Роза? – озабоченно спросил он, побуждаемый своей природной склонностью всех защищать.

Я покачала головой. Нет, не могу.

– Нет.

– Роза! – предостерегающе сказал он.

– Это неважно. – Я отвернулась, не в силах смотреть ему в глаза. – Правда-правда.

Поищу кого-нибудь другого.

К моему удивлению, он мягко приподнял мою голову, взяв за подбородок, и посмотрел в глаза, не давая отвести взгляд.

– Что тебе нужно?

Мы замерли, глядя друг на друга. Какая же я эгоистка! Готова рискнуть жизнью и репутацией друзей, которых люблю. Если бы Кристиан не был в ссоре с Лиссой, я попросила бы о помощи его. Однако теперь Эдди – все, что у меня осталось.

– Мне нужно кое-что... из ряда вон.

Его лицо сохраняло серьезность, но губы тронула улыбка.

– Ничего другого от тебя и нельзя ожидать.

– Но это действительно переходит все границы. Это... способно полностью разрушить твою жизнь. Навлечь на тебя огромные неприятности. Не могу я так обойтись с тобой.

Его улыбка исчезла.

– Это не имеет значения. Если ты нуждаешься во мне, я с тобой. Только это важно.

– Ты же не знаешь, о чем речь.

– Я доверяю тебе.

– Это незаконное дело. Фактически преступление на грани государственной измены. На мгновение он опешил, но решимости не утратил.

– Я готов на все. Мне плевать. Что бы ни было, я прикрою тебе спину.

Я дважды спасала Эдди жизнь и понимала, что он говорит совершенно серьезно, потому что чувствует себя в долгу передо мной. Он пойдет, куда я попрошу, не из романтических побуждений, а руководствуясь исключительно дружбой и преданностью.

– Это незаконно, – повторила я. – Тебе придется ночью ускользнуть с территории двора. И я не знаю, когда мы вернемся обратно.

Весьма вероятно, что мы не вернемся вообще. Если нам предстоит схватка с тюремными стражами... Выполняя свои обязанности, они могут пойти на самые крайние меры. Этому нас учили всю жизнь. Однако совершить такой прорыв с помощью только лишь магии принуждения невозможно. Мне требовался еще один боец, чтобы обеспечить тылы.

– Просто скажи когда.

И на этом вопрос был решен. Я не стала посвящать Эдди в подробности своего плана, просто объяснила, где и когда мы встречаемся этой ночью, а также что нужно взять с собой. Он не задал ни одного вопроса, просто сказал, что придет. Потом с ним заговорили какие-то королевские морои, и я ушла, стараясь подавить чувство вины и не думать о том, что, весьма возможно, ставлю под угрозу его будущее.

В соответствии с нашей договоренностью Эдди и Лисса появились позже той же ночью. В смысле, ясным днем. Мне снова было не по себе, как и тогда, когда мы с Мией пробирались в штаб-квартиру: ведь при свете дня все отлично видно. Но и теперь большинство людей спали, когда мы украдкой пересекали территорию двора. Майкл ждал нас на безлюдной окраине, около гаражей – это были большие металлические здания промышленного типа.

Никого, к большому моему облегчению, не оказалось ни рядом, ни в самом гараже. Майкл с удивлением оглядел мой «ударный отряд», но вопросов не задавал и присоединиться к нам не предлагал. Мое чувство вины усилилось – вот и еще один человек рисковал своим будущим ради моих сомнительных целей.

– Вам будет тесновато, – заметил он.

– Мы тут все друзья. – Я заставила себя улыбнуться.

Однако Майкл не оценил шутки и не улыбнулся в ответ, открывая багажник черного «доджа чарджера». Насчет тесноты он оказался прав. В старой модели багажник был побольше, но здешние стражи держат только самые современные машины.

– Как только отъедем подальше, я сверну на обочину и выпущу вас, – пообещал он.

– Не беспокойся, с нами все будет хорошо.

Лисса, Эдди и я втиснулись в багажник.

– О господи... – пробормотала моя подруга. – Надеюсь, никто не страдает клаустрофобией.

Это сильно напоминало скверную игру в твистер². Для перевозки грузов багажник был достаточно вместителен, но не рассчитан на трех человек, и нам пришлось очень плотно прижаться друг к другу. Убедившись, что все устроились, Майкл захлопнул крышку, и мы погрузились во тьму. Спустя минуту заурчал двигатель, и машина тронулась.

– Как, по-твоему, скоро он сделает остановку? – спросила Лисса. – Или как скоро мы умрем от угарного газа?

– Мы даже не выехали с территории двора, – заметила я.

² Твистер – модная групповая игра. Нужно расстелить на полу игровое поле и выбрать ведущего, который будет крутить стрелку и оглашать «вердикт». Например, ведущий говорит: «Правая рука на зеленое» – игроки ставят правую руку на зеленое, «Левая нога на синее» – все встают левой ногой на синее и так далее. Выигрывает тот, кто сможет устоять даже в самой неудобной позе. Победа может зависеть не только от ловкости и гибкости, но и от стратегии.

Она вздохнула. Впрочем, очень скоро машина остановилась: видимо, Майкл добрался до ворот и теперь разговаривал с охранниками. Я уже знала, как он собирается объяснить свою поездку: дескать, выполняет чье-то поручение. По его уверениям, беспокоиться нам нечего, охранники не будут расспрашивать его или обыскивать автомобиль. Как и в Академии, люди, выезжающие за пределы двора, не привлекали особого внимания: охранники интересовались главным образом теми, кто желал попасть внутрь.

Прошла минута, а мы все стояли; может, возникла какая-то проблема? Потом машина снова тронулась, и мы испустили вздох облегчения. Скорость увеличилась, а примерно через милю машина съехала с дороги и остановилась. Крышка багажника открылась, мы выбрались на волю. Как это, оказывается, приятно – вдыхать свежий воздух! Я уселась рядом с Майклом, Лисса и Эдди сзади; без единого слова Майкл повел машину дальше.

Я позволила себе еще немного помучиться угрызениями совести из-за того, что впутываю других в свои опасные дела, но потом выкинула эти мысли из головы. Поздно волноваться по этому поводу. И с чувством вины перед Адрианом мне тоже удалось справиться: он наверняка мог бы оказаться полезен, но просить его о помощи в таком деле я не могла.

А потом я целиком и полностью погрузилась в размышления о том, что мы собирались сделать. До аэропорта предстояло ехать около часа, а оттуда мы втроем должны были вылететь на Аляску.

Шесть

– Знаете, что нам нужно?

Мы летели из Сиэтла в Фэрбенкс³, и я сидела между Эдди и Лиссой – поскольку являлась вдохновительницей всего этого безумного предприятия и к тому же была ниже всех ростом.

– Новый план? – спросила Лисса.

– Чудо? – одновременно отозвался Эдди.

Я сердито взглянула на обоих по очереди. С каких это пор они стали комиками?

– Нет. Нам понадобятся кое-какие крутые штучки, если мы не хотим провалить это дело.

Я похлопала по распечаткам материалов о тюрьме, лежащим у меня на коленях. Майкл высадил нас в маленьком аэропорту, и мы перехватили самолет из Филадельфии, который следовал через Сиэтл в Фэрбенкс. Это слегка напомнило мне те сумасшедшие перелеты, когда я из Сибири возвращалась в США. Кстати, тогда путь тоже пролегал через Сиэтл. Может, этот город – «ворота», ведущие во всякие таинственные места?

– А я думал, единственный инструмент, который нам требуется, это мозги, – пробормотал Эдди.

Может, он и относился чрезвычайно серьезно ко всему связанному с работой стража, но, расслаб ляясь, позволял себе подпускать «шпильки». Правда, теперь, когда он знал о наших планах больше – хоть и далеко не все, – особо расслабиться ему не удавалось. Я не сомневалась, что стоит нам приземлиться, он тут же придет в состояние боевой готовности. Разумеется, его потрясло известие о том, что мы собираемся освободить Виктора Дашкова. Я ничего не рассказывала ему о Дмитриии и стихии духа, сказала лишь, что освобождение Виктора играет очень важную роль в другом, более серьезном деле. Эдди так безоговорочно доверял мне, что ни о чем больше не расспрашивал. Интересно, как он среагировал бы, если бы узнал всю правду?

– Самое меньшее нам понадобится GPS⁴, – сказала я. – Нам известны географические координаты тюрьмы, но этого мало, чтобы ее найти.

– Вряд ли с этим возникнут проблемы. – Лисса повертела в руках браслет; выдвинув свой столик, она разложила на нем драгоценности Таши. – Уверена, современные технологии проникли и на Аляску.

Она также пребывала в игривом настроении, которым пыталась прикрыть тревогу.

Эдди слегка скис.

– Надеюсь, ты не имеешь в виду пистолеты или что-то в этом роде.

– Нет. Конечно нет. Если все пройдет, как задумано, никто даже не узнает, что мы там были.

Вероятность непосредственного столкновения существовала, но я рассчитывала свести ущерб от него к минимуму.

Лисса вздохнула и протянула мне браслет: ее беспокоило то, что осуществление моего плана в немалой степени зависело от ее способности создавать амулеты.

– Может, он увеличит твою сопротивляемость.

Я взяла браслет, надела на запястье и не почувствовала ничего – как это чаще всего и бывает с вещами такого рода. Адриану я оставила записку, что мы с Лиссой якобы сбежали, чтобы устроить себе короткий «девичий отпуск» перед намеченным визитом в Лихай. Я знала, что он будет переживать. Ссылка на девичьи развлечения должна была сработать, но все равно он наверняка обиделся, что его не пригласили принять участие, если вообще поверил мне. Думаю, сейчас он уже достаточно хорошо знал меня, чтобы во всех моих поступках искать

³ Фэрбенкс – город в штате Аляска.

⁴ GPS – глобальная система навигации и определения положения.

скрытые мотивы. Я, правда, надеялась, что когда при дворе заметят наше исчезновение, он даст ход моей версии. Без неприятностей, конечно, все равно не обойтись, но безумный уик-энд все же гораздо менее тяжкое преступление, чем проникновение в тюрьму. Правда, существовала опасность, что Адриан заглянет в мои сны и таким образом попытается выяснить истинную причину нашего исчезновения. Это одна из самых интересных – и в то же время безумно досаждающих – возможностей стихии духа. Лисса так и не научилась проникать в сны, хотя в общих чертах понимала принцип. Созданный ею амулет предназначался именно для того, чтобы защитить мои сны от Адриана.

Самолет пошел на снижение. Я посмотрела в окно на высокие сосны и бесконечное зеленое пространство земли. В сознании Лиссы я прочла, что она отчасти ожидала увидеть ледники и сугробы, хотя и знала, что сейчас тут лето. После Сибири я научилась не доверять существующим стереотипам. Больше всего меня беспокоило солнце. Мы покидали двор в разгар ясного дня, а поскольку летели на запад, это означало, что солнце следует за нами. Сейчас, поскольку мы оказались на северной широте, оно всю сияло на чистом голубом небе, несмотря на то что было почти девять вечера.

В известном смысле, именно солнце обеспечивало нам безопасность. Похоже, у Дмитрия шпионы были везде, хотя Лиссе и Эдди я не намекала на это ни единым словом. В Академии и при дворе я была для них недостижима, но в своих письмах он недвусмысленно предупреждал, что стоит мне выйти за пределы этих защищенных мест, как он будет ждать меня там. Не знаю, насколько велика раскинутая им сеть, но меня бы не удивило, если бы даже при дворе за мной следили люди, не боящиеся дневного света. И хотя я выехала оттуда в багажнике, было весьма вероятно, что Дмитрий уже преследует меня. Однако тот самый свет, который лишал заключенных возможности сбежать, создавал для нас безопасные условия. Трудности обещала лишь ночь, длящаяся здесь всего несколько часов, но если мы справимся со своей задачей быстро, то успеем покинуть Аляску до ее наступления. Конечно, у этой схемы есть и своя обратная сторона – по пути назад солнце останется у нас за спиной, отставая все больше.

Первое осложнение возникло, когда, приземлившись, мы попытались взять напрокат машину. Нам с Эдди было по восемнадцать, но ни одна компания не давала машину в аренду людям такого юного, с их точки зрения, возраста. После третьего отказа я начала злиться. Можно ли было ожидать задержки по столь идиотской причине? В конце концов у четвертой стойки женщина после некоторых колебаний сказала, что примерно в миле от аэропорта живет парень, который может сдать напрокат машину, невзирая на возраст, если у нас есть кредитная карточка и на ней достаточно денег.

Мы пошли пешком. Погода располагала к прогулке, но к тому времени, как мы добрались до цели, я почувствовала, что солнце начало беспокоить Лиссу. Бад – фирма называлась «Прокатные автомобили Бада» – оказался не таким упертым, как остальные и сдал нам машину, стоило выложить ему требуемую сумму. Оттуда мы поехали в скромный мотель, где сняли номер и снова рассмотрели свои планы.

Судя по имеющейся у нас информации, тюрьма жила по расписанию вампиров, а это означало, что сейчас у них пора наибольшей активности. Мы решили остаться в мотеле до следующего дня, когда наступит морейская «ночь», и немного поспать. Это же давало Лиссе чуть больше времени для работы с амулетами, а обеспечить нашему номеру защиту не составляло труда.

В моих снах Адриан не появился. Это означало одно из двух: либо он принял мою версию «уик-энда для девочек», либо не смог пробиться сквозь защитный барьер амулета. Утром, с трудом разлепив глаза, мы предусмотрительно позавтракали пончиками. Наши организмы тоже были настроены на вампирское расписание, и это слегка выбивало из колеи.

Сахар, однако, помог взбодриться, и, оставив Лиссу в номере, около десяти часов мы с Эдди отправились на разведку. По дороге в магазине спорттоваров купили GPS, чего я так

страстно желала, и какое-то время для тренировки петляли с его помощью по местным дорогам, которые, казалось, никуда не вели. Когда, по утверждению GPS, до тюрьмы оставалась миля, мы съехали с узкой пыльной дороги и пошли пешком через простирающееся вдаль поле, заросшее высокой травой.

– Я думал, на Аляске тундра, – заметил Эдди, с хрустом продираясь сквозь высокие стебли.

По чистому голубому небу плыли всего несколько облачков, неспособных защитить от солнечного света. Я отправилась в путь в легкой куртке, но теперь, вспотев, повязала ее вокруг пояса. Время от времени набегали порывы ветра, который нес клубы пыли, колыхал траву и ерошил волосы.

– Ну не везде же. Может, дальше к северу. Эй, глянь-ка!

Мы остановились перед высокой оградой с колючей проволокой и огромной вывеской, на которой значилось: «ЧАСТНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ – ПОСТОРОННИМ ВХОД ВОСПРЕЩЕН». Буквы были красные, видимо, чтобы подчеркнуть серьезность предупреждения. Лично я для пущей убедительности добавила бы череп и скрещенные кости.

Некоторое время мы с Эдди разглядывали ограду.

– Лисса исцелит наши раны, – с надеждой сказала я.

Перебраться через колючую проволоку можно, хотя ничего приятного в этом нет. Я набросила на нее куртку, и это помогло – отделалась несколькими царапинами и порванной одеждой. Оказавшись наверху, я спрыгнула – даже удариться о землю было все же приятнее, чем медленно ползти по этой стене, пусть и вниз. Эдди повторил мой путь, недовольно сморщившись при столкновении с земной поверхностью.

Пройдя чуть дальше, мы увидели впереди темную полосу здания, после чего немедленно остановились и рухнули на колени, стараясь укрыться в высокой траве. Согласно документам, в тюрьме имелись камеры наружного наблюдения; значит, подходить слишком близко опасно – нас могли засечь. Вместе с GPS я купила сильный бинокль и сейчас с его помощью изучала здание.

Бинокль стоил тех денег, которые я за него заплатила, – каждая деталь была видна великолепно. Как и многие сооружения мороев, здание представляло собой смесь старого и нового. Стена, сделанная из серых каменных блоков зловещего вида, почти полностью загораживала собственно тюрьму, крыша которой лишь слегка выдавалась над ней. По стене туда-сюда расхаживали два человека – живые глаза в дополнение к камерам. Все в целом походило на крепость, неприступную снаружи и исключаящую возможность бегства изнутри. Ей бы находиться не посреди бескрайнего, залитого солнечным светом поля, а на мрачном скалистом утесе – там она выглядела бы более уместно.

Я передала бинокль Эдди. Внимательно изучив обстановку, он указал влево:

– Вон, смотри!

Прищурившись, я с трудом разглядела грузовик или внедорожник, едущий в направлении тюрьмы; вскоре он исчез из вида, скрывшись за ней.

– Единственная возможность проникнуть внутрь, – пробормотала я.

Ясное дело, преодолеть стену или даже подойти к ней близко не удастся – нас непременно заметят. Нужно было, в некотором роде, войти напрямиком в дверь, и именно эта часть плана пока оставалась туманной.

Эдди опустил бинокль и пристально посмотрел на меня.

– Я не шутил, когда говорил, что доверяю тебе. Чем бы ты ни руководствовалась, я убежден, что это серьезно. Однако прежде чем все закрутится, хочу спросить: ты действительно уверена, что именно этого хочешь?

Я хрипло рассмеялась.

– Хочу? Нет. Но должна.

– Этого достаточно.

Мы еще немного понаблюдали за тюрьмой, заходя с разных сторон, но держась на почтительном расстоянии. Все было примерно так, как ожидалось, но одно дело – предполагать, и совсем другое – видеть собственными глазами.

Примерно полчаса спустя мы вернулись в отель. Лисса со скрещенными ногами сидела на постели и трудилась над амулетами, испытывая теплое чувство удовлетворения. Работа со стихией духа всегда вызывала у нее приятные ощущения – несмотря на проявляющиеся позже побочные эффекты, – и она считала, что добилась с амулетами определенного прогресса.

– Адриан дважды звонил мне на сотовый, – первым делом сообщила она.

– Ты не отвечала?

– Нет. Бедняга!

– Лучше уж так.

Мы кратко описали Лиссе, что видели, и ее хорошее настроение пошло на убыль. Наша «прогулка» к тюрьме приближала начало решительных действий, а работа со стихией духа уже раскачала ее нервную систему. Однако несколько мгновений спустя она переборола страх и исполнилась решимости. Она обещала помочь мне и намеревалась сдержать слово, пусть даже мысли о Викторе Дашкове пугали ее все больше.

Спустя несколько часов после ланча пришло время приступить к делу. Для обычных людей наступил ранний вечер – значит, вампирская ночь близится к концу. Лисса раздала изготовленные для нас амулеты, нервничая по поводу того, сработают ли они. Эдди надел новенькую, только что полученную черно-белую форму стража, мы с Лиссой остались в повседневной одежде, правда внеся в свой облик небольшие изменения. Лисса выкрасила волосы в светло-каштановый цвет, а я спрятала свои под париком с рыжими кудрями, который напомнил мне о матери и тем вызвал чувство неловкости. Эдди уселся за руль, мы – на заднее сиденье, и поехали по уже знакомой глухой дороге. На этот раз мы не останавливались на обочине, двигались прямо к тюрьме – точнее, к сторожке у ворот. По пути никто не разговаривал, но чувствовалось, что беспокойство и напряжение нарастают.

Еще за пределами внешней стены мы увидели контрольный пункт и караульного в нем. Эдди остановил машину, я изо всех сил старалась сохранять спокойствие. Он опустил окошко; дежурный подошел и наклонился к нему.

– Что у вас за дело?

Эдди с уверенным и беззаботным видом вручил ему документ – словно ничего необычного не происходило.

– Везу новых «кормильцев».

В добытой мной папке находились всевозможные документы, заполненные в соответствии с тюремными требованиями, включая формы, сопровождающие доставку различных припасов, в том числе и «кормильцев». Мы скопировали форму на «кормильцев» и заполнили ее.

– Мне не сообщали ни о какой доставке, – сказал караульный, не столько настороженно, сколько недоуменно, и перевел взгляд на документ. – Форма устаревшая.

– Мне такую дали. – Эдди пожал плечами. – Я сам тут недавно.

– Да, ты выглядишь, будто только-только из школы. – Мужчина улыбнулся.

Он перевел взгляд на меня и Лиссу, и я напряглась, вопреки приобретенному долгой практикой умению держать себя в руках. Изучая нас, караульный хмурился. Лисса дала мне ожерелье, а себе взяла кольцо, слегка заряженные магией принуждения: задачей амулетов было внушать впечатление, будто мы простые люди. Если бы подобный амулет находился у самого караульного, воздействие было бы сильнее, но как мы смогли бы ему всучить подобную вещь? Он прищурился, словно разглядывая нас сквозь туман. Будь наши амулеты безупречны, он не удостоил бы нас и второго взгляда, но, очевидно, дело обстояло не так: они изменили наш

облик, но не в той степени, как мы рассчитывали. Именно поэтому мы на всякий случай еще и изменили внешний облик в реальности, чтобы нас труднее было опознать. Лисса готовилась применить магию принуждения напрямую, хотя мы надеялись, что не придется делать это при встрече с каждым человеком на нашем пути.

Наконец караульный отвернулся, по-видимому все же посчитав нас людьми. Я выдохнула и разжала кулаки – до этого я даже не осознавала, что стиснула их.

– Минуточку, я позвоню, – сказал караульный Эдди, после чего отошел к своей будке и взялся за телефон.

Эдди оглянулся:

– Все нормально?

– Если не считать устаревшей формы, – проворчала я.

– Как понять, работает мой амулет или нет? – спросил Эдди.

Лисса отдала ему одно из колец Таши, заряженное таким образом, чтобы он выглядел смуглым и темноволосым, а черты лица слегка расплывались, ускользая от взгляда. Думаю, как и в нашем случае, амулет сработал не в полной мере, но все же вспомнить истинную внешность Эдди впоследствии будет очень трудно. Поскольку на нас с Лиссой заклинание не действовало, мы не могли в полной мере оценить, как оно действовало на других.

– Думаю, все в порядке, – заверила его Лисса.

Караульный вернулся.

– Велено вас пропустить, а там они сами разберутся.

– Спасибо, – ответил Эдди и взял у него документ.

Видимо, караульный подумал, что это просто канцелярская ошибка. Он серьезно относился к своим обязанностям, но сама идея того, что кто-то может попытаться незаконно провезти «кормильцев» в тюрьму, не приходила ему в голову. Бедняга.

У ворот нас приветствовали два стража и проводили к зданию. В отличие от покрытых буйной растительностью угодий Академии и королевского двора земля здесь выглядела голой и пустынной. Ни травинки, просто плотно утрамбованная почва. Может, именно сюда заключенных выводят на прогулку – если вообще выпускают наружу? Я не удивилась бы, если бы территория была окружена крепостным рвом.

Внутри здание выглядело так же мрачно, как снаружи. Камеры для арестантов при дворе стерильно чистые и холодные – сплошь металл и голые стены. Я ожидала увидеть и здесь что-нибудь в этом роде, однако создатели тюрьмы «Тарасто» явно предпочитали стиль Средневековья. В коридорах тоже были шероховатые каменные стены, серые и навевающие уныние, а воздух прохладный и влажный. Условия работы стражей – далеко не лучшие. Можно предположить, что руководство ставило целью запугать заключенных при подъезде сюда и еще добавить после попадания внутрь. Согласно распечаткам, тут имелось небольшое общежитие для работающих по найму – может, хоть там обстановка чуть приятнее.

Средневековый интерьер отчасти разбавляли несколько видеокамер в коридоре: служба безопасности была организована по современным стандартам. Однажды до нас донесся грохот захлопнувшейся двери, но в остальном здесь царила полная, сверхъестественная тишина, которая подавляла и пугала сильнее, чем любые вопли и стоны.

Нас отвели в офис начальника тюрьмы, выдержанный в том же мрачном архитектурном стиле, но снабженный обычной мебелью и прочими принадлежностями административных помещений: письменный стол, компьютер и тому подобное. Только самое необходимое, ничего больше. Сопровождающие объяснили, что нам предстоит встреча с помощником начальника тюрьмы, поскольку сам он еще не начал рабочий день. Логично. В ночную смену трудятся подчиненные. Оставалось надеяться, что от усталости помощник будет невнимателен. Хотя... Скорее всего, нет. Такое редко бывает со стражами, какую бы должность они ни занимали.

– Тео Маркс.

Помощник начальника тюрьмы обменялся с Эдди рукопожатием. Это был дампир ненамного старше нас; возможно, это его первое назначение.

– Ларри Браун, – ответил Эдди.

Мы придумали для него это скучное, ничем не примечательное имя и указали его в сопроводительном документе.

Со мной и Лиссой Тео не заговаривал, но бросил на нас озадаченный взгляд – как ранее караульный у пропускного пункта, первый, на ком мы испытали работу амулетов. В итоге и это препятствие мы с успехом преодолели. Тео снова переключил внимание на Эдди и взял у него документ.

– Форма отличается от обычной, – сказал он.

– Не знаю, в чем тут дело, – извиняющимся тоном ответил Эдди. – Это моя первая поездка.

Тео вздохнул и взглянул на часы.

– Начальник тюрьмы появится примерно через два часа. Думаю, нужно подождать, а потом он сам решит, что делать. Соммерфильд обычно все оформляет правильно.

«Кормильцами» служили в основном неудачники, влачащие жалкое существование на обочине человеческого общества и согласные жить под кайфом вампирских эндорфинов. Их подбором и распределением ведали несколько морейских учреждений, разбросанных по стране. Соммерфильд был одним из таких учреждений и находился в Канзас-Сити.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.